

АНДРЕЙ НИКОНОВ

ЦИКЛ «ВСЕЛЕННАЯ МАРКА»,
СПИН-ОФФ «АНУР ГРОМЕШ»

1. ПОВЕЛИТЕЛЬ ПОТОКОВ
2. ТИХОЕ МЕСТО НА ВОСТОКЕ

ПОВЕЛИТЕЛЬ ПОТОКОВ

Андрей Никонов
Повелитель потоков
Серия «Бедный родственник»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63454651

SelfPub; 2023

Аннотация

Спин-офф книги "Билет в один конец". Анур Громеш отправляется в реальность Марка, чтобы притащить Павла Громова к отцу. Но у Анатолия Громова остались нерешенные проблемы на нашей Земле, и его родственнику придется их уладить. Так, как он это видит.

Андрей Никонов

Повелитель потоков

Пролог.

С одной стороны улицы шли обшарпанные пятиэтажки, немного прикрытые скрюченными, с опадающими листьями деревьями, с другой – профнастил частного сектора прикрывал от чужих глаз дома разной величины и достатка. Противный дождик еле моросил, покрывая лицо мутной взвесью. Редкие голуби лениво рылись в мусоре.

– Эй, шкет, есть закурить? – раздалось за спиной. Небритый, подванивающий мужик хлопал носом, от него даже за несколько метров несло какой-то кислятиной,

Молодой парниша обернулся, сморщился. С таким воздухом не то, что курить, дышать нужно через фильтр.

– Извини, не курю, – помахал он рукой подошедшему поближе алкашу.

– Ой, извини, паря, я сослепу подумал, ты старше, – внезапно смутился мужик. – Не куришь, значит? Молодец, и не начинай.

Он виновато улыбнулся, пряча тухлые от безнадёги глаза, на вид лет шестьдесят, серая, с красными пятнами кожа на небритом лице висит складками. На самом-то деле сколько

ему, ну сорок, сорок пять, а жизнь почти кончилась. Махнул рукой, и, сторбившись, пошел дальше, волоча чуть ли не по земле грязно-зеленую сумку.

Парень поглядел ему вслед. Догнал.

– Эй, погоди.

Мужик обернулся досадливо.

– На, возьми, – парень протянул ему тысячную купюру. – Бери, бери, купишь себе чего-нибудь похавать. Ну и сигарет.

– Нет, – тот помотал головой, отступил на шаг, – ты что. Это ж такие деньжищи. Может мелочь есть какая? Мамка тебе что скажет?

– Нет других. Бери, пока дают. А то передумаю.

– Спасибо, паря, – мужик осторожно, словно не веря, взял бумажку, спрятал куда-то под одежду, – дай тебе бог, ты тут деньгами-то не свети, всякие люди ходят. Так-то народец мирный, но если увидит, крышу посрывает.

Парнишка огляделся. Трущобы как трущобы. Постельное белье на заставленных хламом балконах, обшарпанные окна, потеки на стенах, облупившаяся облицовка. На улицах пусто, но наверняка кто-то уткнулся в стекло и смотрит на улицу. И не такое видал.

– Спасибо тебе, – мужик ещё больше сторбился, его глаза слезились. – Я бы не взял, но правда жрать хочется. И курить.

– Проехали. Ты скажи, как мне к вокзалу городскому выбраться.

– Так иди прямо, дальше улица Кирова, направо повер-

нёшь, там сразу остановка будет, второй автобус. Только ходит он редко. Ты что, не местный? Хотя что я спрашиваю, видно же.

– Ладно, разберусь, – Обошёл мужика, бормотавшего слова благодарности, направился куда показали.

Из приспущенного стекла наглухо затонированной машины, стоящей у тротуара, слышались хохот и визги, хриплый мужской голос под гитару пел про хрупкую нежность чьих-то глаз. Потом девичий голос заныл «Ну подожди, дай послушать...», следующим треком пошла другая песня, под сакс и клавишные. Про тучи из серого меха, по жизни, утекающей по капле, и про расклеившийся город.

Парень усмехнулся, прибавив шаг. Шпаны он не боялся, не хотел привлекать к себе внимание. Хотя что уж там, и денег-то не стоило тогда давать, но как всегда, поддался внезапному порыву, что сделано, то сделано.

В машине тем временем изменение репертуара не прошло, певичку вырубил, и все тот же хриплый мужской голос запел про грязного и оборванного скрипача под хохот и визги.

Ветер рванул, сбивая с деревьев листья, забрасывая капли дождя под одежду. Парень успел добежать до автобусной остановки до того, как ливануло. Небо швыряло вниз горсти воды, разбивая по асфальту, подгоняя не успевших спрятаться под навесами жителей городка.

Парень достал смартфон, включил, проверил – сеть лови-

лась, но интернет не работал. Выключил телефон, убрал в карман, огляделся. На противоположной стороне улицы на витрине были выставлены похожие аппараты, огляделся, автобуса не было видно, только машины пролетали иногда, обдавая неосторожных прохожих грязной водой.

Запахнул поплотнее куртку, перебежал улицу, заскочил в магазин.

Внутри было тепло. За стойкой молодая девушка с яркими фиолетовыми губами что-то писала на своем телефоне, не обращая внимания на единственного посетителя. Он прошелся вдоль витрины, большую часть занимали уже использованные аппараты. В технических различиях он не разобрался, на вид все были одинаковы.

– Девушка, здравствуйте.

Та оторвала глаза от телефона, дежурно улыбнулась. Улыбка быстро погасла, сменившись раздражением от того, что оторвали от дел.

– Можно телефон купить?

– Если деньги есть, покупай, – равнодушно ответила та.

– Мне такой, чтобы звонил и в сеть входил.

Продавщица встала, недовольно сморщившись, подошла к витрине, открыла.

– Выбирай, все звонят и хотят в сеть.

– Ну тогда этот, – парень ткнул пальцем наугад в телефон за пять тысяч.

Девушка сняла телефон с держателя, положила на стойку.

– Пять тысяч рублей. Только коробки от него нет.

Парень достал пачку денег, отсчитал пять бумажек.

– Проверять будешь? – провожая пачку глазами, спросила девушка.

– Просто покажи мне, как работает.

– Карточку надо вставить. Своя есть?

– Нет.

– Тогда ещё триста. Будет с интернетом на месяц.

– Хорошо, – парень протянул ещё бумажку, взял сдачу, сотню отдал девушке. – Это чтобы настроить.

– Настройка стоит четыреста рублей, по прейскуранту, – продавщица посмотрела на парня, кивнула головой, – ладно, я сама сделаю, только пробивать не буду. Паспорт с собой?

Она взяла протянутую книжицу, листнула.

– Так... восемнадцать уже есть, а по виду не скажешь. Я думала, тебе и шестнадцати нет.

– Выгляжу молодо, – усмехнулся парень. – Потом доберу.

– Город Санкт-Петербург. Далек же ты забрался. К друзьям приехал или к родственникам? Надолго?

Парень промолчал. Продавщица включила смарт, вставила симку, сверяясь с напечатанной на листочке памяткой, подключила телефон к интернету.

– Все, работает. Может ещё чего купишь, наушники там, зарядку, пленку на экран, чехол?

– А к нему зарядки нет? – парень с сомнением посмотрел на слегка потрёпанный аппарат.

– Есть, но мало ли.

– Нет, спасибо, не нужно.

Протянул ещё сотню.

– Коробку оставлю. Возьму только аппарат и зарядку. А это чтобы торговалось лучше.

Девушка смахнула бумажку, поглядела вслед вышедшему на улицу парню. Деньги у него водятся, надо бы Гвоздю звякнуть. Но тут увидела, как парень запрыгнул в подошедший автобус, вздохнула. Ладно, двести так двести. Попозже наберет, нечего Гвоздю было вчера эту сучку лапать, а парень никуда не денется, раз приезжий, значит, здесь и остановился у кого-то. Скривилась, вот дура-то, надо было сфоткать его. Хотя что там, тощий парнишка, невысокий, на вид лет пятнадцать, белобрысый, в синей куртке и джинсах, и кроссовки ещё классные, объёмные такие, видно, что дорогие, но не найк и не адик, наверняка качественный фабричный китай. Если у неё с ним один размер, кроссы себе можно будет забрать.

Артур меж тем примостился на свободное место в автобусе. При входе требовалось приложить карточку к валидатору, но он не стал этого делать, как и большинство пассажиров. Местные наверняка лучше знали, стоит ли платить за проезд, а водителю вообще было на это по барабану, зарплата от честности пассажиров не зависела. Автобус шёл прямо до автовокзала, Артур сверился с картой, в поисковике забил свой маршрут, в окне многоэтажные дома чередовались

с частной застройкой, городок был растянут в одном направлении, и фактически пришлось ехать с одного конца города до другого.

До нужного ему места можно было добраться только на перекладных. Сначала до ближайшего областного города на автобусе – часа два езды, раз в два-три часа этот автобус отходил от местного автовокзала. С городского вокзала предстояло пересесть на поезд, а уже до конечной точки, если не выйдет дозвониться, доехать можно было только на машине.

Потрёпанное здание автовокзала явно не знало лучших времён. Вероятно, оно таким сразу и было – тесным, с загаженным полом, урнами, полными мусора, и бычками, валяющимся рядом с урнами и вообще везде, где их бросили. Тетка в неопределённого цвета халате вазюкала шваброй по полу, не отходя от одного, привычного для неё места. Ее логика была понятна, грязь все равно будет, а вот спина не любит резких движений.

За стеклом спала кассирша. Прейскурант, написанный от руки, сообщал, что билет будет стоить 100 рублей. Расписание, вывешенное таким же рукописным листочком рядом, сообщало, что до отбытия автобуса осталось полчаса.

Артур огляделся, вышел на площадь – рядом с табличкой стояла длинная очередь, люди с сумками, рюкзаками, некоторые с детьми. Как они все влезут в автобус, оставалось только гадать. Сам автобус стоял неподалёку, водитель курил возле переднего колеса, что-то объясняя механику, копаю-

щемуся во внутренностях транспорта.

– Сломался, – в ответ на вопрос, кто последний, кивнул ему мужчина в старом, но чистом пальто. – Сколько ни чинят, постоянно ломается. Я последний, но не знаю, буду ли ждать.

– Есть шанс, что починят?

– Всегда чинили, но могут задержать на полчаса, а то и час, – мужчина вздохнул. – Придется на маршрутке ехать, а там дороже.

Дороже оказалось на пятьдесят рублей, Артур оценивательно поглядел на ржавый китайский минивэн и отошёл в сторону, давая дорогу другим желающим, свободных мест было мало, а возбужденных поломкой рейсового автобуса пассажиров – много.

– Эй, дарагой, куда едем? – сзади раздался голос.

Артур назвал город.

– Багаж есть? Нэт? Куришь? Нэт? Харашо, триста рублей. Иди, все собрались, одно место есть. – Усатый горбоносый водитель махнул рукой в сторону своего железного коня.

Парень влез в выдавшую виды машину, на продавленное заднее сиденье – там уже сидели две женщины, одна пожилая, другая помоложе. Спереди уселся тучный мужчина средних лет, он тяжело дышал чем-то чесночным, и постоянно шмыгал носом.

– Эх, поехали, – таксист запрыгнул на водительское сиденье, громко захлопнул дверь, завел двигатель, собрал со всех

деньги, вернув Артуру две сотенные в обмен на пятисотку, и вырулил с площади на шоссе, под мрачные взгляды очереди.

Водитель гнал настолько быстро, насколько позволяла дорога, находящаяся в процессе перманентного ремонта. Он лихо объезжал расковырянный асфальт, выскакивая то на обочину, то на встречную полосу, отчего соседка Артура громко вздыхала и крестилась. За окном проносился лес, высокие зонтики травы почти двухметровой высоты, облюбовавшие свободное место между дорогой и деревьями, иногда путь проходил через деревушки, по краям дороги стояли женщины с корзинками поздних грибов, банок с соленьями, кучками яблок и картошки. Несколько раз машину обгоняли глухо тонированные внедорожники, один остановился возле скамейки с банками, ничуть не заботясь о попутных машинах, так что и его пришлось объезжать, резко затормозив. Водитель матерился, то по-русски, то на каком-то своём языке, который Артур не знал, но поневоле запоминал слова.

Мужик впереди уснул и громко храпел, периодически попукивая, так что пришлось открыть окно и впустить воздух с улицы, о чем Артур не жалел. Воздух был свежий, чистый, слабо пахнувший прелой листвой и дымком. На улице было слишком тепло для середины осени, оставил окно приоткрытым, хотя тетка рядом что-то ворчала о простуде и сквозняке.

Артур не обращал на неё внимания. Он прикрыл глаза и продремал до городского вокзала, проснувшись от того, что

водитель тряс его за плечо.

– Приехали.

– Да? Спасибо, – Артур вылез из машины, попутчиков уже не было. Можно было попросить того же водителя отвезти дальше, до места, но тогда новизна первого дня потеряется, так что просто кивнул таксисту и пошел в сторону междугородных касс.

Нужный поезд до города, где предстояло найти машину, шёл чуть больше пяти часов – обе остановки были промежуточными, потом состав шёл в Москву и Санкт-Петербург. Артуру нужно было и в Москву, но сначала – вот таким загнутым маршрутом. Дела.

На вокзале он купил билет, до отправления поезда оставалось минут двадцать пять, тот уже стоял на путях, запуская пассажиров. Артур прошёлся по чисто выметенной привокзальной площади, с бетонными клумбами, выкрашенными в белый цвет, заглянул в кафешки, везде было не то чтобы грязно, но какая-то неряшливость присутствовала, запахи прогорклого масла и жареных сосисок аппетита не добавляли. Купил в магазинчике упаковку чипсов, банку газировки и пакетик с жареным миндалём, закинул все это в пакет и отправился к нужному вагону.

Билет на боковое место в плацкарте сверили с паспортом, напротив уже сидел толстый мужик в майке, с обширными пятнами пота на подмышках, перед ним на столике лежал пакет с вокзальными чебуреками и стояла полторалитровая

бутылка пива.

– Будешь? – он кивнул на пластиковую бутылку.

– Давай, – Артур вытащил из валявшейся тут же упаковки пластиковый стаканчик, налил себе пенного напитка, пригубил. На вкус пиво соответствовало вагону, хорошо хоть не слишком тёплое. Открыл пакет с чипсами, пододвинул мужику, тот запустил в упаковку руку, достал полную горсть картофельных пластинок. Кинул в рот, захрустел, зачавкал.

– Бекон? То, что надо. А тебе не рановато пиво пить, малец?

– От одного стакана ничего не будет, – отмахнулся Артур, поглядел в окно. На перроне толпились пассажиры, кто-то выкуривал последнюю сигарету, кто-то ждал опаздывающих попутчиков.

– Ну как знаешь, – мужик придвинул к себе пачку чипсов. – Будешь?

– Ешь.

– Спасибо, пацан. Чебурек хочешь?

– Не, – Артур покачал головой, – пообедал.

– Докуда ты?

Артур назвал город.

– Недалеко, хорошо, надеюсь не подсадят кого-нибудь.

Мне вот до Твери, – мужик вытер жирные руки о газету.

Разговор как-то сам собой увял, что может быть общего у пятидесятилетнего с малолеткой. Поезд ехал по бескрайним русским просторам, леса чередовались полями и моста-

ми через реки, остановок практически не было. Быстро темнело, лишь редкие огни выдавали населённые пункты по ходу состава. Мужик нашёл себе компанию в том же вагоне, перебрался к новым друзьям, Артура не позвал, мол, там водку пьют, пиво ещё куда ни шло, а водка – враг здоровью, молодым пацанам нельзя. Парень не обиделся – подрубил зарядку к розетке и углубился в сеть.

Проводница принесла чай, минеральную воду без газа, поинтересовалась, что такой милый мальчик делает один в поезде без родителей, продала ещё и шоколадку. Получила деньги, и на этом сочла свою миссию выполненной.

Город встретил путешественника темнотой и криками носильщиков. Багажа у Артура не было, желания куда-то ехать – тоже, гостиница, которую он забронировал ещё в поезде, находилась прямо через улицу от вокзала, восьмиэтажное здание с просторным светлым холлом и усталым портье за стойкой. Только проверив паспорт, тот поверил, что парню уже восемнадцать, и заселил его в люкс – номер с широкой кроватью с резной спинкой, стенами, выкрашенными в идиотский розовый цвет, с просторным санузлом и халатом на треснутых пластиковых плечиках.

В торговый центр рядом с гостиницей он попал практически к закрытию. Только и успел, что купить смену белья, кое-какие необходимые мелочи, а вот перекусить в местном кафе уже не успевал, перехватил кофе в высоком термостакане, в магазине самообслуживания купил булочку.

Вышел на улицу, прохладный осенний воздух с лёгким ароматом выхлопных газов на прогулку не воодушевил, так что вернулся в гостиницу, уже знакомый портье кивнул головой – уж больно парень был приметный, подросток ещё, один, в люксе.

Через полчаса Артур, свежий, чистый и вполне довольный собой, валялся на кровати, выложив перед собой два смартфона.

Второй смарт был побольше и подороже бэушного, купленного в магазинчике, при включении запросил пароль, который парень нарисовал на экране.

Просмотрел телефонную книгу, нашёл нужный контакт, в принципе он и так его помнил, но на всякий случай проверил. Набрал.

– Алло, это травматология? Могу я поговорить с Павлом Анатольевичем? Да? Спасибо, я подожду.

Минуту он ждал, пока на том конце провода не раздался мужской голос.

– Слушаю вас.

– Павел Анатольевич, добрый вечер. Меня зовут Артур Громов. Да, Громов. У меня есть информация от Анатолия Ильича, вашего отца. Нам надо встретиться.

1.

Фрилендер, порывивая двигателем, вкатил во двор жилого комплекса. Кованые ворота в арке неспешно закрылись,

отрезая и машину, и жителей дома от начинавшего просыпаться города. На скамейке возле детской площадки сидел белобрысый парнишка лет пятнадцати, держа в руке пакетик с орешками. Доставал по одному, бросал в рот, лениво пережевывал.

Из лендровера вылез здоровый мужик, почти двухметрового роста, в плечах немногим меньше, явно бандитского вида, подошел к скамейке, сел рядом с парнем.

– Хочешь? – тот протянул ему пакетик.

Мужик молча насыпал орехов себе в горсть, кинул в рот, прожевал.

– Ключи привез? А то холодно тут сидеть, в квартиру поднимемся.

– Ты и про квартиру знаешь? – мужик усмехнулся, встал, доставая ключи из кармана. – Пошли.

В холле охранник, молодой парень лет двадцати, оторвал голову от сканворда, поглядел на вошедших, кивнул головой, встал, протянул руку.

– Павел Анатольевич, здравствуйте.

– Привет, Жека. Ты как, нога прошла? – мужик крепко пожал руку охраннику.

– Вашими молитвами, вот прыгаю уже вовсю, – охранник улыбнулся, потом, словно вспомнив что-то, нахмурился, – про Марка Львовича ничего нового не слышно?

– Нет, – мужик скривился, – ищут. Водолазы не нашли ничего, полиция вначале землю рыла, но результатов нет. Так

что все по-прежнему. Но пока тела нет, мы надеемся.

– Что за хрень, – охранник искренне разволновался, – всякие подонки по земле ходят, а вот такие как Марк пропадают. Как там Лев Константинович, Ольга Петровна?

– Ну как, сам понимаешь, младшие вот только поддерживают. А это мой брат двоюродный, Артур.

Белобрысый пожал руку охраннику.

– Мы поднимемся в квартиру, надо дяде кое-какие вещи отвезти.

– Да, конечно, – охранник нажал кнопки на пульте. – Разблокировал.

– Спасибо, мы ненадолго.

В лифте Павел недоверчиво оглядел парнишку.

– Ты как на территорию-то прошел?

– Есть разные способы, – Артур усмехнулся. – Как-нибудь покажу, если желание будет.\

– Ну-ну.

Павел открыл дверь, пропуская парня вперед, тот скинул кроссовки и словно зная, где что находится, прошел на кухню, по-хозяйски уселся за стол.

– Садись, надо кое-что решить.

– погоди, – Павел сел напротив, – сначала скажи, кто ты.

Парень усмехнулся, вытащил из кармана паспорт, протянул.

– Артур Анатольевич Громов. То есть хочешь сказать, что

ты мой брат?

Вместо ответа Артур вытянул вперед ладонь, и над ней повис яркий шар.

Лендровер несся по дороге от города сквозь начинающийся день. Водитель сосредоточенно смотрел на дорогу, пассажир развалился в кресле и что-то читал на смартфоне. Машина затормозила, съехала на обочину

– Нет, давай еще раз, – Павел повернулся к Артуру.

– Обсудили все уже, – парень убрал смартфон в карман, приоткрыл окно, впуская прохладный осенний воздух. – Едем к твоим родственникам, я отдаю им фотографии и письмо Марка, еду на то место, где он пропал, и ищу кристалл. Если найду, сможешь хоть на этой неделе перенестись, запасной пойдет твоей матери, если она захочет за тобой пойти. Но это будет стоить еще десять ману, зарядка где-то год займет. Если не захочет, то оставлю себе.

– А ты?

– Говорил же, – терпеливо ответил Артур. – Мне свой кристалл год заряжать, тот небольшой резерв, что у меня есть, придется в свободный слить. Перекантуюсь здесь, кое-какие деньги у меня есть, не пропаду. К тому же, за риск мне платят. Очень хорошо платят. Это моя работа, Павел, шастать по мирам и вот так отсюда выбираться. Машину мне оставишь, когда портал активируется.

– Не вопрос, – Павел кивнул, – а если не найдешь?

– Тогда переносишься только ты. С тобой проще, вдвоем мы твой кристалл за несколько месяцев зарядим, и вперед, обнять старика-отца.

– А если я не захочу? – Павел нахмурился.

– Послушай, – Артур положил Павлу руку на плечо, тот дернулся, но руки не сбросил. – Вы взрослые люди, а как дети себя ведете. Не захочешь, останешься. Это твоя жизнь и твои возможности, решать только тебе. Привязку кристаллу я делать не буду, пока не зарядится до конца, так что время еще есть, подумай, с мамой посоветуйся, и вообще, мы хоть и родственники, но дальние. Ты прости, но твои проблемы – это твои проблемы, за сеансы психотерапии мне не платят. Могу только дать бесплатный совет, и то, когда попросишь.

– Ладно, – Павел завел машину, вырулил на дорогу, – сейчас с дядей и тетей встретимся, а дальше уже решим, что и как.

– Ну и славно, – Артур улыбнулся. – Не кисни, смотри, еще вчера у тебя не было отца и пропал брат двоюродный, а сегодня ты узнал, что они живы и здоровы. Да еще и новые родственники образовались. Радоваться надо, а ты словно еще кого-то потерял.

Машина подкатила к закрытым воротам, Павел нажал на кнопку на брелоке, загудел шаговый двигатель, закрутились шестерни, отодвигая створку.

– Спят небось еще, – Артур выпрыгнул из машины, раз-

вел руки в стороны, потянулся, вздохнул глубоко, – вот это я понимаю, воздух. А то в городе дерьмо какое-то, ты уж извини, но с экологией у вас беда.

– Не, не спят, вон тетя Оля, в грядках копается, – Павел показал на женскую фигурку, сидящую на низенькой табуреточке. – Теть Оля, доброе утро, это я, Паша.

Женщина встала, быстрой для ее возраста походкой подошла поближе.

– Пашенька, привет. Иди в дом, сейчас завтракать будем, дядя Лева уже проснулся. А кто это с тобой?

– Сейчас сядем за стол, расскажу.

– Ох, – женщина всплеснула руками, – никак сынок твой, ты что, Паша, сына нашел?

– Нашел, – Павел усмехнулся. – Вам лучше сесть, тетя Оля, тут такие новости.

– Так, быстро в дом, – женщина решительно взмахнула рукой, закричала, – Лев, к нам Паша приехал, чайник включи.

На застекленной сверху донизу террасе пожилой мужчина с осунувшимся лицом хлопотал возле столешницы. Гудела микроволновка, на столе стояла пара чашек с блюдами, большая плошка с клубничным вареньем и тарелка с пирожками.

– Кто там, мать? – мужчина обернулся, – Пашка, приехал! Молодец, садись за стол. Так, а это кто с тобой?

– Сейчас расскажу, – Павел подошел к серванту, достал еще две чашки, поставил одну перед уже усевшимся Артуром, другую придвинул себе. – Новостей много.

– Это хорошо. – Мужчина поставил вскипевший чайник на стол, рядом с заварочным, уселся. – Мать, садись, слушаем. Заодно вот представь своего спутника.

– Артур Громов, – не дожидаясь, пока Павел их познакомит, представился парень.

– Погоди, – женщина села, положила руки на стол, – так ты и вправду Пашкин сын?

– Тетя Оля, – Пашка решил вмешаться. – У нас новости о Марке.

– Да ты что, – мужчина строго посмотрел на племянника. – Мать..

– Тетя Оля, не уходите. Новости хорошие.

– Нашелся? – женщина всплеснула руками, тяжело задыхалась, мужчина поскачил к ней, достал из кармана блистер, вытащил таблетку, запихнул ей в рот.

– Нашелся, – улыбнулся Павел.

– И где этот паразит? – мужчина нахмурился. Из сломленного жизнью старика в одно мгновение превратившись решительного и не такого уж старого.

– Вот в этом-то и сложность, дядя Лёва.

– Да погоди ты, Лев, – женщина быстро пришла в себя, – что с ним, он здоров?

– Как бык, – улыбнулся Артур.

Чтение письма затянулось минимум на полчаса. Сначала Ольга читала мужу вслух, потом он читал про себя, жена терпела минут пять, отобрала письмо обратно и чуть ли не по буквам вычитывала четыре страницы. Лев тем временем рассматривал фотографии, недоверчиво хмурясь.

– Хрень какая-то, – подытожил он. – Параллельные миры, магия-шмагия, Толю узнал, но он тут какой-то странный, будто тридцать пять лет назад, ну когда они со Светкой познакомились. Ты сам-то в это веришь?

Павел кивнул.

– И давно ты это знаешь?

– Лет с пятнадцати.

– Ты погляди, мать, – Лев приподнялся, – кого мы пригрели. Значит, тут у нас под боком столько лет колдуны жили, а мы и не сном, ни духом. И Толян хорош, друг называется, эх... – Он махнул рукой.

– Да прекрати ты бубнить. Пашенька, ты правда знал?

– Знал, тетя Оля. Папа просил никому не рассказывать, да и не поверил бы никто.

– А ты значит поверил? – не унимался Лев.

– Поверил, – Павел вздохнул, – когда вот такое в первый раз увидел. – Он кивнул Артуру, мол, покажи.

Светящийся шар, свободно висящий в воздухе, произвел на пожилых людей нужное впечатление. Они тыкали в него пальцем, искали провод, даже попросили Артура выйти, но

ничего не помогло – шар продолжал светиться. Минут пять.

– Фокусы.

– Отец так же мог, не такой большой, и недолго совсем, но показывал. И еще искорку мог сделать, из пальца вылетала. Помните, у нас в доме дверь была в мелких черных точках?

– Так вроде это из-за электропроводки, разве нет?

– Артур, – Ольга наконец оторвалась от светящегося шара, вспомнила о первом вопросе, который задала. – Так ты кем Пашке приходишься?

Артур задумался, позагибал пальцы. – Да пожалуй, троюродный дядя.

Лев рассмеялся.

– Дядя. Молоко на губах не обсохло. Тебе сколько лет, дядя?

– Сорок пять, – скромно ответил Артур, отхлебывая чай и отправляя в рот ложку клубничного варенья. – А ничего тут кормят. Можно мне еще плюшку?

– Прикольные у тебя родственники, – Артур, глядя на стелящуюся перед машиной дорогу, достал из пакета пирожок. – И готовят хорошо.

– Ну теперь это и твои родственники, – Павел отобрал пирожок, засунул себе в рот целиком. – И как тебе удалось их убедить?

– Это не трудно. Немного энергии у меня еще осталось, так что на такую мелочь хватит. Дети их не растрепят?

– Нет, – Павел пожал плечами, – Серега, тот парень серьезный, но уж очень на современной фантастике замороженный. Он тебе не то что поверит – сам на другую сторону попросится. А вот Лизка – она по Марку меньше всех скучала, узнает, что с ним все в порядке, ей этого достаточно. Но ты не думай, она его тоже любит, он вообще у них общий любимчик, младшие даже родителей ревновали немного. Там в письмах, которые ты для них оставил, что написано?

– Не знаю, – Артур пожал плечами. – Меня вообще больше твоя мать беспокоит. Камень-то я не нашел, значит, он утерян. И это в свою очередь значит, что у вас с твоей матерью один камень на двоих. Твой отец говорил, что они это обсуждали, и она вроде как сама отказалась.

– Наверное, – Павел резко вывернул руль, уходя от выскочившего на встречную полосу дебила, обгонявшего фуру. – Она ему верила, и то, что я вслед за ним должен отправиться, знала. Тем более что когда люди внезапно пропадают, они не приводят все дела в порядок. А отец все на мать переписал перед командировкой. Но сам понимаешь, ее здесь одну оставлять я не хочу.

– Решите, время еще есть. Что с жильем, ничего, если я на одной из квартир отца твоего поживу?

– Однушка тебя устроит? На одной площадке со мной?

– Вполне.

– А с документами у тебя что?

– Есть паспорт.

– Военный билет, документ об образовании?

– Военного билета нет. А нужно?

– Ну как сказать, – Павел пожал плечами, – без военника загран тебе не получить, за границу не уехать. Значит, здесь придется жить. Сколько ты сказал – год?

– Полтора.

– Вот. Полтора года, а ты призывного возраста. Значит, или учишься, или разруливаешь геморрой с отсутствием военного билета. Точнее говоря, при любом косяке выясняется, что тебя нет ни в одной базе. А к гражданам призывного возраста особое отношение. Надо было тебе паспорт делать на тридцатилетнего.

– И вот так ходить? – Артур показал на себя. – При переходе учитывается биологический возраст.

– А ты неплохо сохранился, – Павел рассмеялся.

– По другому не получается, – улыбнулся Артур. – Фактически, я каждый раз возвращаюсь в то же состояние, что и при первом переходе. Не совсем точно, если бы много лет прошло с последнего, выглядел бы старше. Но не успеваю я взрослеть.

– Ух ты, это ж так можно вечно жить?

– Если бы, – Артур пожал плечами, – пока магическое ядро сохраняется, да, а как исчезает с возрастом, все как у людей, старость, последний переход и смерть.

– Это значит если я перейду, то вот так и останусь тридцатилетним?

– Скорее всего.

Павел какое-то время молчал, глядя на дорогу, потом снова заговорил.

– А я вот так смогу, между мирами?

– Правильный вопрос, – Артур кивнул. – Если у тебя есть способности, сможешь. И сюда сможешь вернуться. Вот только переходы лучше начинать с магических миров, с каждым разом времени все меньше нужно. Ты за матерью хочешь вернуться?

– Ну да.

– Посмотрим, с какой скоростью будет заряжаться портал. Тогда смогу примерно, из своего опыта, сказать, что с шансами. Но опять же, у каждого свои нюансы.

– Понял, – Павел хмыкнул. – Ладно, так как ты от армии косить собираешься? Или служить пойдешь?

– Нет, служить я не хочу, наслушался от твоего отца о прелестях здешней военной жизни. Это он упертый фанатик всего, что стреляет, а мне мирная жизнь больше нравится. Так что решим этот вопрос.

– Все у тебя просто.

– Очень просто, – пробормотал Павел, наблюдая, как в паспорте нового родственника, повинаясь движению ладони, штамп о регистрации превращается точно в такой же, как и в его документах. – А вот сторублевую купюру в стодолларовую можешь так превратить?

– При желании все можно сделать, – Артем удовлетворенно посмотрел на результат своего труда, – вот только зачем? Тебе деньги нужны? Отец твой говорил, что оставил вам достаточно. Миллионов пять, кажется?

– Оставил, – Павел сморщился, – только вот счета оказались пустые. Кто-то до нас уже там пошуровал.

– Серьезно?

– Более чем. Отец остался тут денег должен, скорее всего, просто отдать не успел, так на меня даже наезжали, хотели квартиры отжать, хорошо друзья отца подключились, а то остались бы мы без всего. Мать-то вообще не знала про деньги и остальное.

– Остальное?

– Ну да. У нас дом по Каширке, там отец схрон сделал.

– Да, он говорил, оружия немного местного. Так у вас что осталось-то?

– Да вот эти две квартиры, мамина старая двушка на Щелковской, она там живет. И еще одна трешка в Сокольниках, мы ее сдаем. Ну и дом, он, правда, на Марка записан, отец считал, что так надежнее будет.

– Не кисни, – Артур улыбнулся, – не так уж плохо у вас все. А скоро и это тебе не нужно станет, на тот край квартиры да золото не заберешь, да и не нужны они тебе, главное твое богатство – оно у тебя внутри.

– Да то, что не нужно, я знаю, обидно просто, эти люди, которые деньги выбивали, они ведь к нам на праздники при-

езжали, подарки дарили, отца называли лучшим другом. Все как-то мерзко. Да и со счетов кто-то из своих украл, денег-то не жалко, их считай и не было, но все равно, кому верить – не знаю. А что у меня внутри?

– Дар твой, дубина, – рассмеялся парень. – Он тут ничего не стоит, потому что не активирован, а там, куда ты отправишься, уж поверь, ценность имеет большую. Давай-ка руку сюда.

Павел положил руку на стол, настороженно поглядел на собеседника.

Артур провел рукой вдоль предплечья, в ладони его откуда-то появился кристалл.

– Видел такой?

– Да, – Павел поежился. – Отец вот похожим мне ладонь ковырял. Ты тоже будешь?

– Нет. Просто сожми в руке.

Павел послушно сжал кристалл, разжал руку. Камень начал постепенно наливатьсся синевою.

– Ну вот. Признал тебя. Не беспокойся, это не привязка, когда окончательно активируется, тогда привяжу. Просто та энергия, которую ты накопил, в него слилась, от этого и экономия времени получается, такое будем раз в неделю проделывать. Теперь давай сюда, я подзаряжу, и через полгода, – Артур посмотрел через камень на лампочку, – нет, даже через четыре месяца все будет готово. Так что готовься, путешественник по реальностям, времени у тебя не так много

осталось, приводи в порядок дела, с друзьями попрощайся, ну и вообще подготовься. У тебя девушка любимая есть?

– Нет, – Паша напрягся.

– Вот. Так и продолжай. Лишние привязанности ни к чему, вернешься ты сюда или нет.

– А есть шанс не вернуться?

– Обсуждали уже. Ладно. Смотри, ты, по-нашему, псион, то есть человек со способностью оперировать магической энергией. Это обязательное условие для активации камня в моем мире, в другие миры без этого не перейти. Второе условие – кровное родство с Первыми жрецами, тут у тебя тоже все в порядке, твой отец меня в этом заверил. Если для безродных путь только один – из своего мира в наш, то для таких как мы с тобой все миры открыты. Так что все данные для скольжения по реальностям у тебя есть.

– А я точно псион? Отец ведь напутать мог.

Артур задумался, что-то прикидывая.

– Ну, во-первых, энергию ты слил, значит, ядро есть и накапливать можешь. Управлять ей не получится без активации, но какие-то крохи должны проявляться. Ты когда людей лечишь, ничего странного не замечал?

– Бывает, – Павел кивнул головой. – У меня они почему-то быстрее выздоравливают.

– Ты ведь травматолог, да? – Артур вытянул руку. – Представь, что у меня рука сломана, ну, предположим, кисть, как бы ты ее осматривал?

Павел аккуратно взял парня за кисть, так, что она лежала на его ладони. Другой нажал несколько точек.

– Нет, представь, что она действительно сломана. Давай, сосредоточься. Вот так, хорошо. А ты силен, родственничек. Надо же, при таком фоне, да на голой силе у тебя что-то получается.

– Что, правда что-то есть?

– Есть, – успокоил Павла парень. – Уровень высокий, да еще при первом переходе обычно идет расширение ядра. То-то нун так расщедрился. В общем, путешествовать тебе, Пашка, по мирам, равнять горы с землей и океаны кипятить. Ладно, давай уже по койкам, завтра на работу вставать.

– Ну мне понятно куда, – Павел улыбнулся, – а тебе?

– Туда же, куда и тебе. Я, пока ехал, диплом купил, так что с завтрашнего дня работаем вместе. Будем людей лечить.

2.

– Лейбмахер Иосиф Соломонович, – прочитал табличку на двери Артур.

Павел усадил его на сидущку рядом с дверью главврача и куда-то умчался по своим делам, строго-настрого наказав самому ни во что не ввязываться, вперед не лезть, а просто дожидаться «старшего брата» и уже вместе с ним пройти к начальству.

Артур огляделся – коридор был пуст. Если другие поме-

щения были полны суеты, то здесь, на восьмом этаже городской больницы, царил тишина и степенность. Изредка появлялись люди, они переходили из двери с надписью «Бухгалтерия» в дверь с табличкой «Отдел кадров», не спеша заходили к «Заместителю главного врача по экономике», в «Отдел медицинской статистики» и в «Департамент по платным договорам». Пышные дамы лет пятидесяти с разной длины хвостиками, деловые мужчины в приталенных или наоборот – на размер больше чем нужно, пиджаках, фланировали мимо одинокого посетителя. Из общей массы выбивался только тип из «Отдела автоматизации», в застиранных джинсах, толстовке с черепом, круглых очках и с волосами, завязанными в хвост, заскочивший в нужную Артуру дверь. Теперь оттуда слышались два голоса – один явно принадлежал типу с конским хвостом, а другой – девушке, судя по всему, достаточно молодой. Артур покачал головой, автоматизацией они там точно не занимались, слышалось хихиканье и низкий, чуть ли не на уровне инфразвука, монотонный голос сисадмина, вешающий на уши девушки одну макаронину за другой.

Парень достал смартфон, полученный еще на той стороне, зашел в сеть и начал читать последние новости. В мире было беспокойно, американский президент не ладил с местным, где-то шли войны и вообще международная обстановка была не очень. Внутренняя – тоже.

– Вы кого-то ждете? – высокая черноволосая девушка в

узкой черной юбке и белой блузке, сквозь которую просвечивал черный же бюстгальтер, строго смотрела сверху вниз.

Артур поднял голову – по коридору удалялась мешковатая фигура с хвостом на затылке.

– Вас, – он широко улыбнулся. – Всю жизнь жду.

Девушка его игру не приняла, хмыкнула и продолжала вот так же строго смотреть.

– Ну и Иосифа Соломоновича заодно, – признался парень. – Хотя не так чтобы очень долго. Минут десять.

– Иосиф Соломонович задерживается, – все тем же занудно-строгим тоном заявила девушка. – Будет через полчаса, не раньше. Вы по какому вопросу. Вы пациент?

– Возможно. Но пока что на работу устраиваться пришел.

– Приемом на работу занимается отдел кадров.

– Он со мной, – подкраившийся Павел кое-как разрядил обстановку. Девушка обернулась, покраснела, поправила волосы и даже было дернулась, чтобы достать откуда-нибудь зеркальце, но неоткуда было.

– Ой, Павел Анатольевич, здравствуйте. – Тон девушки разительно изменился. Даже хихиканье за дверью уже казалось несерьезным.

– Здравствуй, Маша. Ты как всегда очаровательна, – включил ловеласа Павел, окончательно вгоняя бедную девушку в эмоциональную прострацию. – Познакомься, Машенька, это мой брат, Артур. Вот, хочу его к нам медбратом оформить, а без разрешения Иосифа Соломоновича как-то

неудобно.

– Да-да, – закивала Маша, по ней трудно было понять, слышала ли она хоть что-то после второго предложения.

– Пусть он пока тут посидит, подождет, а я пойду своими делами займусь, пациента только что привезли, двойной без смещения, думаю, не меньше получаса провожусь. Ты на пост позвони, когда Соломоныч появится, я как гипсовать его отдам – подойду.

– Конечно, Павел – с придыханием сказала Маша, – Ана-тольевич.

Ого, – подумалось Артуру, – да тут страсти кипят, как бы меня не обварило.

Он встал.

– Паш, может я с тобой пойду?

– Нет, – Павел мотнул головой, – сиди пока здесь, а то ругаться будут. Тут зам Лейбмахера шастает, Сидорчук, так ему только повод дай. Правда, Маша?

– Да. – По виду Маши было понятно, что ей тоже только дай повод, и она...

– Вот и хорошо. Маша, спасибо, целую.

– И я, – девушка прошептала в квадрат спины, вздохнув.

– Точно, – Артур улыбнулся, – вспомнил я, где вас видел. У брата ваша фотка на смартфоне, он на нее мечтательно смотрит каждый раз, как аппарат включает. И глаза такие жалобные, прям полны страданий.

– Правда? – Маша строго посмотрела на парня, вздохнула,

присела рядом. – Представляешь, каждый раз, как его вижу, вот так себя как дура веду. А он только комплименты говорит, поцелуйчики воздушные, но я же вижу, несерьезно все это. А ты к нам на работу? После училища?

– Ага, – Артур кивнул.

– А ты правда его брат? В первый раз слышу, что у Павла родные братья есть. Двоюродные вроде только, к нему еще один приезжал часто. Марк, кажется.

– Кроме Марка, еще двое в Питере, – подтвердил Артур. Надо же, проверка прямо в коридоре началась. – А у нас с Пашкой отец один, а матери разные, поэтому я и не появлялся.

Маша замолчала, думая о чем-то своем, сидела рядом на стуле, покачивая ногой в белой туфельке. «Как пингвин прям», – подумалось Артуру. Дурацкая мода, черное с белым. Только кажется стильным, а на самом деле от недостатка фантазии.

– А Светлана Петровна знает? – внезапно очнулась девушка.

– Кто?

– Ну мама Павла. Тетя Света. Ты же моложе Паши, странно как-то это все.

– А вот в семейные дела лезть нехорошо, – строго сказал Артур, придержал готовую уже вскочить девушку рукой, – да ладно, я не обижаюсь. Понять не могу, ты вот такая красавица, что еще Пашке надо?

Маша все же встала, поправила юбку.

– Я тоже не могу, – жестко сказала она, – и в личные дела лезть не хорошо. А то обижусь. Кстати, вот и Иосиф Соломонович.

По коридору бодро и размашисто шагал пожилой уже мужчина, сухощавый, моложавый для своего явно преклонного возраста, с белоснежными, зачесанными назад волосами, в темно-синем костюме и расстегнутой на верхнюю пуговицу белой рубашке. Увидев девушку, он помахал ей рукой.

Дойдя до парочки, новоприбывший остановился, скрестив руки на животе, и насмешливо посмотрел на вставшего с сиденья парня.

– Так-так, кто тут у нас? Это твой новый знакомый, Машенька?

– Нет, Иосиф Соломонович, – мстительно сказала девушка. – И не мечтайте. Это вот брат Павла Громова. К нам на работу просится.

– Вэйз мир, – всплеснул руками главврач, – не знал, что у Светочки есть еще один сын. Ну пойдем, блудное дитя, посмотрим, что можно сделать.

Артур усмехнулся, подмигнул Маше и прошел через приемную в просторный кабинет, уставленный угловатой мебелью, в основном шкафами и полками, заполненными папками с бумагами, с длинным красного дерева столом, за которым стояло с полтора десятка кожаных кресел, заканчивающимся на манер буквы Т мощным председательским рабо-

чим местом. Туда Иосиф Соломонович и проследовал, пове-сив пиджак на вешалку и махнув посетителю рукой на одно из кресел.

– Садись поближе ко мне.

Артур послушно уселся.

– Ну рассказывай, откуда у Светланы Петровны еще один сынок образовался. Или я совсем стар стал, из ума выжил, или сейчас услышу что-то интересное.

– Так Светлана Петровна не мать мне, – усмехнувшись, чуть ли не продекламировал парень. – Муж ее, Громов Анатолий Ильич, батюшкой мне приходится.

– Батюшкой, значит? – усмехнулся Лейбмахер. – Неожиданно. И давно?

– Да уж больше восемнадцати лет, – в ответ усмехнулся Артур. – А что, есть сомнения?

– Ты не кипятись, – Иосиф Соломонович вздохнул. – Я ж твоего отца больше тридцати лет знаю, с тех пор как он на Светочке женился. А тут вдруг ты. Как чертик из табакерки. Тебя Пашка привел?

– Да, сказал, могу тут поработать, пока в институт не по-ступлю.

– Медицинский?

– Не выбрал еще, – Артур развел руками. – Хочу вот понять, призвание это мое или так, перекантоваться.

– Перекантоваться. Интересно, – главврач пожевал губами, отчего его густые брови ожили и задвигались вверх-

вниз. – А сюда после школы?

Взял протянутый Артуром диплом, раскрыл, повертел в руках.

– Елецкое медицинское училище номер два. Сестринское дело. Хорошая бумажка, и сделана качественно. Где купил?

– На вокзале, – пожал плечами Артур. – У барыги местного только два было, этот и еще кулинарного. Но готовить я не люблю.

– А лечить значит любишь?

– Ага. Наложением рук.

Иосиф Соломонович встал, поглядел отчего-то в окно, потом на парня.

– Давай вот как сделаем. Я этот диплом липовый себе оставлю, чтобы ты по своей дурости еще в какую историю не попал и Пашку не подставлял. А ты давай, вали отсюда, и чтобы ноги твоей в моей больнице не было.

– Понял, – Артур тоже встал. – Приятно было познакомиться.

И протянул руку. Главврач машинально пожал ее, постоял несколько секунд, глядя остекленевшими глазами на стенку, потом сел, потер лицо руками.

– Уф, что-то заработался я. Так о чем мы? Ах, да.

Взял трубку, нажал три клавиши.

– Сергей Степаныч, привет, дорогой. Слушай, тут новенького надо оформить, медбратом в травму, он зайдет к тебе. Да, диплом у него есть, принесет на неделе. Хорошо. Под

мою ответственность. Да, договорились.

– Ну вот, – он положил трубку, расписался на протянутом Артуром листе бумаги, – сейчас иди в отдел кадров, к начальнику, Скворцову Сергею Степановичу. Он подготовит документы, и завтра можешь выходить на работу. Диплом, как и договорились, принесешь. Заодно он тебя в реестре проверит. Проверит...

Лейбмахер тяжело задышал, приложил руку к груди, хватая ртом воздух. Артур выскочил в приемную.

– Все? – Маша была как всегда строга и сдержана.

– Там Иосифу Соломоновичу плохо, – виновато улыбнулся парень. – Что-то с сердцем.

– Дедушка, – девушка сорвалась с места, вбежала в кабинет. Лейбмахер все так же сидел, пытаясь вздохнуть. – Ему нужно лекарство. Где же оно?

Она открыла ящик стола, начала выбрасывать оттуда бумаги, достала коробочку, из нее – таблетку и запихнула в рот старику. Достала из маленького холодильника бутылку воды, попыталась залить вслед за таблеткой.

– Ну же, давай, – шептала она. – Дыши, глотай таблетку. А ты чего стоишь, – рявкнула на Артура, – беги, вызывай врачей.

– Не кричи, – Артур отодвинул девушку, от шока та даже не сопротивлялась, зашел Лейбмахеру за спину, положил большие пальцы на шею, а средние прижал к вискам. Нажал два раза.

Как ни странно это подействовало, лицо главврача, налившееся кровью, слегка побелело, глаза почти приняли осмысленное выражение, он вздохнул, закашлялся, таблетка с порцией воды вылетела изо рта прямо на стол.

– Чего стоишь, – парень кивнул девушке на дверь, – врача позови. Давление надо померить, хорошо бы кислород, и таблетки эти вообще лучше не пить.

Последние слова он сказал в спину выбегающей из кабинета девушки. Было слышно, как та сорвала трубку телефона и кому-то что-то кричала, захлебываясь слезами. Волнуется, бедняжка. Такие чувства к родственникам Артуру приходилось наблюдать. Не в родном мире, так что волнение девушки сочувствия у него не вызвало. Он продолжал нажимать пальцами на шею и виски, и с каждым разом главврач дышал все ровнее и ровнее.

– Хватит, – хрипло сказал он, – вроде отпустило. Второй приступ за неделю. И каждый раз вот так неожиданно. Ты что такое сделал?

– Японская методика. Рейки, – Артур улыбнулся. В каждом техном мире обязательно есть шарлатанские техники, которые под магию косят просто идеально.

В этот момент в дверь ворвались двое в белых халатах – мужчина лет сорока, и женщина чуть постарше, они отпихнули Артура от больного, женщина споро закатала рукав рубашки, накинула манжету тонометра, вставила стетоскоп в уши и начала подкачивать воздух. Мужчина тем временем

раздвинул веки начальства, посветил фонариком, померил пульс, нацепил на палец пульсикометр.

– Сто тридцать на восемьдесят, – глядя на манометр, сказала женщина. – Аритмии вроде нет, надо ЭКГ сделать, сейчас Танечка подойдет.

Танечка уже вбегала, слабо протестующего пациента уложили на кушетку, наклепили на грудь датчики, на руки и ноги – электроды, зажужжал портативный аппарат ЭКГ. Артур подхватил свой диплом, чудом не залитый водой, и тихонько вышел из кабинета. Зачем мешать специалистам заниматься привычной для них работой, тем более что сейчас Лейбмакхеру уже ничего не угрожало. Заодно он прихватил Машу за локоток и вывел в приемную.

– С твоим дедом все будет в порядке.

– Ты-то откуда знаешь, – девушка была явно на взводе.

– Знаю, – улыбнулся Артур. – Но ты тут лучше посиди, лишняя суета только вредит. Где мне найти ваш отдел кадров?

– Направо по коридору, – махнула рукой девушка, утирая слезу и явно думая о чем-то своем.

– Ладно, пока, – не дожидаясь ответа, Артур вышел.

За табличкой «Отдел кадров» скрывался маленький предбанник, из которого вели три двери. На средней висела табличка «Начальник». Коротко и ясно. Толкнув дверь, Артур оказался в небольшой комнатке со стоящим у окна столом. Кресло занимал невысокий мужчина весом никак не мень-

ше полутора сотен килограмм, объемный живот не позволял ему вплотную придвинуться к столу, что, впрочем, беспокоило хозяина кабинета меньше всего. Примерно наравне с появлением посетителя – парню пришлось подождать несколько минут, пока на него не соизволили обратить внимание.

– Громов? – оторвался толстяк от монитора, где загоревшийся танк превратился в табличку с какими-то цифрами, и снял один наушник. – Заявление принес?

Он накарябал на листе несколько слов, отдал обратно, – Так, иди в отдел, там найдешь Ирину Тимофеевну, она тебе все оформит. Если что непонятно, подходи.

– Понял, – Артур шутливо отсалютовал и прикрыл за собой дверь.

Ирина Тимофеевна оказалась молодой смешливой девушкой, полноватой, с черным лаком на ногтях и такого же цвета губами, с пирсингом в губе и брови. Не переставая обсуждать с другими работницами какого-то Олега, который ее бросил, но обязательно пожалеет об этом, она забрала у Артура заявление, достала новую коричневого цвета папку, подколола туда разрисованный начальством лист бумаги, узнала, что трудовой у парня нет, а СНИЛС он принесет на следующей неделе, безразлично кивнула, не переставая обсуждать с подругами уже другого молодого человека, которому теперь уже она собиралась дать отставку, отобрала у Артура паспорт и диплом, быстро что-то забила в компьютер, распечатала несколько листов, дала подписать, и посла-

ла парня во второй отдел. На вопрос, когда все будет готово, посоветовала зайти через три дня.

Артур благодарно положил свою руку на руку девушки, чуть пожал, та замолчала на несколько секунд, наверное первый раз в жизни, а потом как ни в чем не бывало вернулась к своим делам и разговорам.

– Бюрократы, – проворчал парень, выходя из отдела. – Не мудрено, что такие отсталые.

Во второй отдел он не пошел, там ему делать было нечего. Государство пыталось опутать его номерами, сериями и категориями. Военный билет, СНИЛС, трудовая, паспорт, карточка ОМС, свидетельство о рождении, диплом, медицинская книжка, пропуск и номер в реестре медицинских работников. Любая нестыковка с документами для обычного человека грозила бы неприятностями. Артур даже развеселился – сейчас ему предстояло стать полноправным членом трудового коллектива без всей этой бумажной волокиты.

Отдел автоматизации никуда с последнего этажа не исчезал, Артур постучал в дверь, ответа не дождался, нажал на ручку и оказался в небольшой комнате без окон. Из комнаты еще одна дверь вела в другую, оттуда доносился ровный гул.

Сидящий в желтом с черным игровом кресле местный сидмин занимался тем же, что и начальник отдела кадров – работой. Джойстик в его руках так и порхал. В очках отражались три монитора, в каждом что-то происходило. В цен-

тральном точно такие же танки, как и у обладателя необъятного живота, на левом нарисованные мальчики и девочки с белыми волосами и странно большими глазами нервно двигались, размахивая руками и ногами. Правый экран занимала вальяжно лежащая на боку голая девушка с аномально большой грудью, изображение, впрочем, дернулось и она сменилась другой, стоящей на четвереньках задом к зрителю.

– Скоро все поправлю, небольшой сбой оборудования, – не глядя на посетителя, проговорил очкастый. – Сейчас этим занимаюсь, пожалуйста, не мешайте. Задергали совсем, работать не дают.

В этот момент средний монитор раскрасился всполохами взрывов, сисадмин грохнул джойстиком по столу и выругался.

– Проклятый вирус, – тут же исправился он. – Файрволл ни к черту. Да еще Сева куда-то делся. Вам чего, товарищ?

Товарищ скромно поковырял носком кроссовка пол и показал флешку.

– Вот, Сергей Степанович просил проверить, все ли в порядке.

Со страдальческим выражением лица местный повелитель роутеров взял неловко протянутую флешку, она чуть не упала, пришлось ловить при активной помощи посетителя, отталкивая его руку. И воткнул ее в системный блок.

– Не загружается, – очкастый протянул флешку обратно Артуру. – Бракованная, видимо. Степаныч вечно какое-то говно покупает. А что там было-то?

– Откуда мне знать, – Артур убрал флешку в карман, пожал плечами. – Просто просил проверить. Отнесу обратно, пусть сам разбирается.

– Ага, – хозяин кабинета вернулся к своим делам, и присутствие лишних людей его раздражало, непонятно как, но без толку пролетело почти пять минут драгоценного времени. – Не смею задерживать.

Артур вышел за дверь, в принципе можно было больше ничего не делать, программный модуль уже подчинил себе локальную сеть, при желании можно было пойти дальше, во внешнюю, но зачем? Захватывать этот мир парень не собирался, ИИ, внедренный в локалку, не был таким уж мощным даже по местным меркам, хорошо хоть такого порталная система пропустила. А раз пропустила, значит, его возможности находятся на уровне этого мира, и действия могут быть отслежены.

Он проверил смартфон, подключенный к местной сетке, хмыкнул.

Проворная кадровичка уже оформила все документы, копии отослала в бухгалтерию и второй отдел, так что пришлось все это удалять и ставить пометки, что документы приняты и проверены. Появился протокол сверки диплома с

федеральным реестром, такой же чести удостоилась несуществующая медицинская книжка с липовым номером. Отметка второго отдела о запросе в военкомат, пометка в личном деле о сверке с базой паспортов МВД, должностная инструкция. Трудовой договор оставался только в отделе кадров, из шестисот с лишним человек списочного состава один, не получающий зарплату, не числящийся в графике отпусков, но, тем не менее, оформивший трудовую книжку, вполне мог затеряться.

– Буду работать за просто так, – деланно вздохнул Артур, проводя пальцем по экрану. – Альтруист мое имя.

И поставил в электронном личном деле отметку о проведенном инструктаже по пожарной безопасности и охране труда. Вроде почти все, теперь документы, идущие из кадров в бухгалтерию и обратно, будут редактироваться, и работник Павел Анатольевич Громов останется только в штатном расписании.

– Вот ты где, – Павел в белом халате остановился напротив, грозно глядя на парня. – Ты чего тут учудил?

– Присядь, – Артур мотнул головой, Павел плюхнулся на сидушку, потянулся. – Ну как, загипсовали?

– Кого? А, да. Тут только этим и занимаются. Ты мне лучше скажи, внезапный брат, чего ты у Иосифа Соломоновича в кабинете устроил? Здоровый мужик чуть инфаркт не схватил. Твоих рук дело?

– Во-первых, не кричи, – Артур похлопал Пашу по коле-

ну. – Тут тоже не дураки работают, не стоит им для разговоров еще и такую тему подкидывать. Ну а во-вторых, скажи-ка, что у тебя с Машей?

– С Машей, – Павел озадаченно посмотрел на родственника. – При чем тут Маша?

– Зубы мне не заговаривай, – усмехнулся Артур.

– Да ничего, – Павел сгорбился, вздохнул. – Она меня на десять лет младше, почти с рождения ее знаю, так она в школу еще когда пошла, вбила себе в голову, что должна за меня замуж пойти. И никак эта дурь у нее из головы не выйдет. Узнал все, что хотел?

– Почти. А дед ее чуть не умер сегодня. Тромб.

– Какой тромб? Он в больнице работает, его проверяют раз в полгода, по всем врачам гоняют. Анализы берут.

Артур пожал плечами.

– Нет, погоди, – горячился Павел. – Объясни, что у него.

– Артерия в шее, там уплотнение. И сгусток крови перекрыл кровоток.

– Ну как тромбоз развивается, я примерно в курсе. Перекрыл, а дальше что?

– Я его растворил, – Артур улыбнулся.

– Ладно, поверю на слово, – Павел вздохнул. – Чувствую, пожалею еще, что сюда тебя привел. Ты как, в отдел кадров ходил?

– Об этом не беспокойся. С завтрашнего дня я тут работаю, так что давай, пойдем – покажешь мне мое рабочее ме-

сто, заодно в отдел пропусков на первом этаже зайдём, мне бейджик полагается. И не ворчи ты так, слушай, а столовая тут есть? Тоже обязательно надо посетить, а то сам знаешь, работа работой...

Родственники прошлись по корпусу. Получили, к удивлению Павла, бейдж и пропуск в отделе пропусков, с такой оперативностью он сталкивался нечасто, заглянули в буфет, где Артуру не понравилось, общепит он такой общепит. Прошли по переходу до соседнего корпуса, забрать снимки – сеть опять по непонятной причине барахлила, и электронные копии не заносились в общую базу.

– А вот это наше теперь отделение, – Павел распахнул правую створку двери, пропуская Артура в коридор, где уже сидели несколько человек. – Пойдем ко мне в кабинет. Антонина Алексеевна, что с вами опять?

Старушка, держащая руку на весу, горестно вздохнула.

– Ох, Пашенька, в ванной подскользнулась. Вот теперь рука болит.

Участок в районе кисти представлял собой налитый синевой шар.

– Так, давайте-ка в процедурную, сейчас подойду. – Павел открыл дверь кабинета, пропуская Артура, подошел к раковине. – Ты посиди пока, я сейчас.

– Уверен? Я ведь тоже могу помочь.

Павел скептически поглядел на нового медбрата, потом

кивнул, промывая мылом между пальцами.

– Ладно. Может и вправду поможешь. Халат в шкафу. И перчатки не забудь надеть.

Артур натянул перчатки на свежeweымытые руки, постибал пальцы.

– Берегись, народ. Врач к тебе идет, – подмигнул он травматологу. – Ну что, пошли, коновал, посмотрим, на что ты способен?

– А ты молодец, – когда за старушкой и придерживающей ее за локоть медсестрой закрылась дверь, Артур снял перчатки, бросил их в бак с отходами. – Там ведь сепсис начался, еще день-два, и все. Даже если просто прокол сделать и жидкость спустить, не помогло бы. А ты исправил. Правда, энергию зря потратил, но не так много, на заливку останется.

– Какую заливку? Ах, да. Забыл уже. А что я делал?

– Как бы тебе объяснить, слепому, что такое зеленый цвет. Ты когда руками дотрагиваешься до пораженного места, под пальцами формируется энергетическая конструкция внутри тела больного. Представь себе рыбку, которая плавает в аквариуме и корм ест. Вот эта конструкция – такая рыбка, она далеко от тебя уплыть не может. Но все нездоровое она сжирает. Так понятно?

– Отчасти, – Павел сморщился. – А увидеть это мне – никак?

– Пока нет активации – никак.

– А ты значит, видишь и можешь делать?

– Ну да, – легко согласился Артур.

– Прямо все можешь вылечить?

– Теоретически – да. А практически – моя рыбка чуть больше твоей, просто она мои команды выполняет, а твоя – дурнем прет, наугад. И если что, может и навредить, сожрать не то что нужно. Так что хорошо, что ты травматолог, тут что-то испортить сложно. Ведь главная заповедь у вас какая? Не навреди.

– Да понял я, понял. Пойдем, с нашими тебя познакомлю. А то нехорошо получится, мимо заведомо сделали все.

Заведомо травматологии и ортопедии Непейвода был только «за», особенно после рукопожатия с новым сотрудником. Сам представил медбрата Громова коллективу, под шепот медсестер и саркастические ухмылки врачей, лично сводил в уже знакомую рентгенологию, наказал старшей медсестре выделить медбрата полагающиеся по нормам спецодежду и тапочки, заикнулся про проставу, потом поглядел на юное, почти детское лицо младшего Громова и посоветовал с этим не торопиться. Тем более что впереди выходные, и вообще пить вредно, как и курить. Короче говоря, отнесся к Артуру, как к родному.

По больнице уже ползли слухи, что блатного взяли. Павла здесь любили и уважали, так что все валили на Иосифа Соломоновича, которого уважали и боялись. А страх, как из-

вестно, делает органы зрения непропорционально большими, да так, что видно даже то, чего нет. В разговорах со старшим Громовым тема нового сотрудника ловко обходилась, а вот среди своих косточки перемывались вовсю. Вспомнили и влюбленность Лейбмахера в свою аспирантку Светочку, еще остались свидетели этих пылких чувств, и пропажу мужа Громовой, и еще много чего. Таня из кардиологии подлила масла в огонь, утверждая, что сама видела, как мальчик обнимал «отца», пока тот бился в судорогах.

К вечеру половина больницы была уверена, что новенький – сын главврача, а другая половина – в этом пока сомневалась, но готова была поверить. В то же время Артур каких-то враждебных чувств не вызывал, ну взяли медбрата и взяли. Должность так себе, работы много, зарплата небольшая, тем более в травме, дорогих лекарств там нет, на гипсе много не заработаешь. «Хорошенький мальчик» – вынесли свой вердикт медсестры, и остальным только оставалось с этим согласиться.

Всем, кроме Маши, которая этому хорошему мальчику не верила ни на грош. Так же, как и слухам о ее с ним родственных связях, бабушка до сих пор был тот еще ходок, но дядю Толю Громова он боялся до усрачки, она уж это точно знала. Девушку вообще вся эта шумиха вокруг такого малозначительного объекта бесила. Она уже уселась в свою красную Мазду, когда из дверей больницы на парковку вышли двое – Павел, на которого бы она смотрела бесконечно, и этот ма-

ленький поганец, глаза бы его не видели. Оба залезли в лендровер Громова, причем младший после короткой перепалки сел за руль, и автомобиль вырулил со стоянки через поднятый шлагбаум на улицу. Непонятно почему, но девушка решила поехать за ними. Что, на самом деле, было несложно – словно чувствуя, что за ним едут, но скорее всего из-за неопытности, младший Громов ехал медленно, периодически притормаживая, держался правого ряда и, как всякий не слишком опытный, а потому дисциплинированный водитель, сигнал поворота подавал заблаговременно.

Даже выйдя на Каширку, он не особо прибавил, дачники уже отъездили, не сезон, так что движение было довольно свободное. На хорошо освещенной дороге преследуемый объект было отлично видно. Машины проносились на ста двадцати мимо тошнивших лендровера и мазды, Маша бесилась, но дистанцию держала. Так они проехали Домодедово, пересекли бетонку. Погоня продолжалась больше часа, девушка уже жалела, что поддалась странному порыву и бросилась за предметом обожания. Или ненависти. Так, ругая себя последними словами, она вслед за дискавери свернула направо с шоссе, на двухполоску. Через три километра цель погони снова повернула направо, проехала еще с километр и ушла влево к перегородившему путь шлагбауму, со стоящими по бокам фонарями.

– Приехали, мать её, – в сердцах сказала девушка.

Шлагбаум поднялся, однако лендровер не стронулся с ме-

ста. Он поморгал аварийкой, посигналил, снова поморгал. Потом стекло со стороны водителя опустилось, и оттуда помахали рукой.

Причем голова, высунувшаяся вслед за рукой, глядела именно в ее сторону. Прямо на нее.

Губы младшего Громова шевелились, он кивнул Маше головой, мол, чего стоишь, и подождал, пока она подъехала и встала сзади. Только тогда лендровер медленно тронулся, включив правый поворотник.

Девушка вздохнула, обогнала дискавери, подождала, пока тот проедет шлагбаум, и снова пристроилась сзади.

Лендровер меж тем проехал несколько домов, стоящих на главном въезде, свернул направо, проехал еще три участка и остановился возле высокого кирпичного забора, за которым виднелось большое строение.

Оранжевые фонари над воротами заморгали, на участке зажегся свет, и створки начали разъезжаться. За ними оказалась бетонированная площадка на несколько машин, лендровер сдал вправо, освобождая место для мазды, которую от улицы отрезали закрывающиеся ворота. Вздохнув, Маша заглушила двигатель и выбралась из машины.

Мощная плитняком дорожка уходила к трехэтажному коттеджу. Стоящие по бордюру фонари неярко светили, бросая отблески на машины, выхватывая из темноты пустые клумбы и скамейки.

Двери лендровера распахнулись, первым вылез пассажир,

отчего машина немного приподнялась. Сто сорок кило живого веса легко спрыгнули на землю, подошли к девушке.

– Маш, ты чего? За нами ехала?

– Я же говорил, это она, – из машины вылез Артур, хлопнул дверью, поставил авто на сигнализацию. – Слушай, в гараж не буду загонять, ладно? Вроде дождя не обещали, пусть на улице постоит.

– Пусть, – кивнул Павел и снова повернулся к Маше.

– Так, голубки, – влезла мелочь пузатая. Маша аж задохнулась, да как он смеет, она тут с Павлом стоит, фонари, луна на небе, звезды, они рядом, она вдыхает запах его одеколлона, – давайте-ка в дом, а то холодно, отморозите себе ваши романтические причиндалы.

– Не обращай внимания, – спокойно сказал Павел, на него, похоже, романтическая обстановка не действовала. – И правда, пойдем в дом, там расскажешь, зачем поехала.

Развернулся и пошел.

Мелкий хотел взять Машу под локоток, та выдернула руку возмущенно и пошла вслед за Павлом, прямо чувствуя, как сзади идет и скалится этот паразит. Убила бы. Тем более темнота кругом, скоро зима, выпадет снег, если оттащить тело подальше, до весны никто и не заметит. С этими приятными мыслями девушка сама не заметила, как дошла до дома, машинально повесила куртку на вешалку, собиралась было скинуть мокасины, сменившие белые туфельки, но Павел рукой махнул, мол, не надо.

В гостиной было тепло и уютно, словно этот дом не стоял заброшенным какое-то время, а буквально минут пять назад хозяева вышли и вернулись обратно.

– А, тут убираются, – ответил Павел на машин невысказанный вопрос. – Раз в неделю приходит женщина, протирает пыль, участок тоже убирают с какой-то периодичностью, дорожки чистят. Отопление здесь автоматическое, слесарь проверяет каждый месяц, на центральный пульт выведены датчики. Везде камеры стоят, когда приезжаем, они перекидываются на внутренний сервер, уезжаем – опять идут на внешний, так что в случае чего, с большой долей вероятности, дом останется целым.

Маша хмыкнула. Как-то не вязался Паша, знакомый с детства, вот с такой роскошью. Ну да, машина неплохая, но подержанная. Квартиры там от отца-героя-разведчика остались, не сказать что какие-то роскошные, так, стандартные. Обычная семья достатка чуть выше среднего, дед их иногда в шутку босяками называл.

– Это все Марка, – снова опередил ее Павел. – Мы только пользуемся.

Девушка поморщилась. Вот уж кого она терпеть не могла, так это Марка Травина. Заносчивый тип, все время с новой подружкой, только с виду дружелюбный такой, простой, рубаха-парень, а приглядишься поближе – сам себе на уме, даже шутит в компании – каждое слово про себя проговаривает, наверное. Да и компания у него – сплошные мажоры

провинциальные, как на подбор. Родители одно время намекали, мол, вот кого хорошо бы окрутить, и бизнес свой, и квартиры, хоть и на периферии, и чуть ли не поместье за городом. Оказывается, два поместья. Да, тогда понятно, почему Павел тут себя как дома ведет, они с Марком всегда не разлей вода были.

– А сам-то он где? – фыркнула она.

Артур хотел что-то сказать, но Павел его остановил.

– Маша, Марк пропал.

– Как пропал? – девушка ахнула.

– На даче, уехал в ночь к реке и исчез. Сначала думали, что утонул, но водолазы его не нашли. Никто не может разобраться, что случилось, словно испарился.

– И давно?

– В понедельник месяц будет.

Ну да, Маша тут же вспомнила, что вот уже месяц Паша ходит как в воду опущенный, не шутит, как обычно. Хотя нет, не месяц, раньше это началось, месяца два уже. Что же случилось? Вопрос так и вертелся на языке, но спрашивать такое неудобно, да и нужно ли, если что-то серьезное, сам расскажет, вот, к примеру, про Марка рассказал.

– И что, полиция ищет?

– Да, – Павел вздохнул. – Правда, есть надежда, вроде как такого же человека видели люди в соседней области, и уже позже, чем Марк пропал, записи с камер сейчас следователи отсматривают. Так что мы держимся, шансы есть, сколько

людей пропадает по стране, и многих находят. Вещи все на месте были, когда наряд приехал – квадрик прямо с ключами стоял, если бы кто напал, угнали б наверняка. Или утопили.

Маша всхлипнула, села рядом с Павлом и взяла его за руку. Она пыталась себя убедить, что ей действительно жалко Марка, и это такой естественный жест, тактильно успокоить бедного родственника. Но на самом деле ей просто было приятно сидеть рядом с ним.

Было бы еще приятнее, если бы на диван не нацелился Артур – тоже с явной целью утешить, только не своего брата, а Машу. Вот кому все как с гуся вода, ничего не берет. Грабли свои к ней тянет.

– Артур, – Павел отчего-то вовремя вступился за нее. Это было так волнительно.

– Да-да, – Артур поднял руки, отошел, – так, голубки, вы тут воркуйте, а я схожу по делам грешным. За мной следить не надо, это неприлично. Так что минут десять-пятнадцать у вас есть.

И подмигнул, зараза.

Минуты утекали в песок, они молча сидели рядом, она гладила его по руке, и вроде даже почувствовала, как между ними устанавливается особая связь. Но тут романтический настрой, так хорошо создавшийся после ухода поганца, разрушил звонок в дверь.

Пиццу привезли, наверное, – Павел вскочил, вышел в прихожую, и вскоре вернулся с коробками и пакетами.

– Так, что тут у нас. Пепперони, маргарита, два бургера, луковые кольца, лимон, сырны палочки и два овощных салата, – перечислял он, выкладывая упаковки на стол. – Что попить, должно быть в холодильнике. Маш, ты что будешь?

Маша не успела рот открыть, как от двери раздался голос.

– Палочки и салат.

Артур бесцеремонно пододвинул к себе две коробки, махнул на оставшиеся:

– Не стесняйтесь, берите что хотите.

Газировка нашлась в холодильнике. Заодно и пиво, Артур оценивающе разглядывал ряд разноцветных этикеток.

– Бери Гролш, – крикнул ему Павел. – И мне бутылочку захвати. И колы еще две банки.

– А ему можно пиво-то? – мстительно спросила Маша, – вроде бы несовершеннолетний еще.

– Мы никому не скажем, – Артур широко улыбнулся, забрал бутылку с керамической пробкой и забрался с ногами в глубокое кресло. Все, что было нужно, он нашел, теперь оставалось подождать, пока эта овца пойдет спать, одна желательно, потому что Паша ему самому понадобится.

Так и случилось. Машу надолго не хватило. Захмелевшая от бутылки пива и трех рюмок текилы, девушка что-то втолковывала Павлу, но потом отрубилась и тихо посапывала, положив голову на руки. Павел терпеливо все выслушивал, до-

жевявая остатки пиццы, а когда девушка уснула, накрыл ее пледом.

– Слабовата, – констатировал Артур, выбрасывая пластиковые контейнеры в заблаговременно принесенное мусорное ведро. – Такая собутыльница нам не нужна. Давай-ка, Паша, неси ее наверх, и не задерживайся, не за этим приехали. Хотя погоди.

Он подошел к девушке, положил руку на голову, постоял несколько секунд.

– Вот теперь неси, проснется нескоро. Скорее всего уже утром, тут на алкоголь удачно наложились.

Павел с сомнением поглядел на девушку, выводящую носом рулады.

– Это точно безопасно?

– Безопаснее некуда. Здоровый сон – основа здорового образа жизни, да что я тебе, врачу, объясняю. Так что хватай спящую красавицу, и в кровать ее. Я понимаю, соблазны, но постарайся сдержаться.

Паша молча подхватил девушку на руки и унес наверх. Артур тем временем скинул остатки еды в одну коробку, задумчиво на нее посмотрел – выбросить или нет, потом утащил в холодильник.

– Что за жизнь, питаюсь какими-то объедками, – вздохнул он. – А вот в мекале у Машо небось сегодня запеченый гусь с фруктами. Хотя, должен признать, пиво неплохое.

Павел спустился через несколько минут.

– Ну что, прекрасный принц, поцеловал спящую принцессу?

– Да ну тебя, – отмахнулся здоровяк, – и так ситуация идиотская, ты еще со своими подколами. Надо было ее сразу развернуть, и пусть бы домой ехала. Ладно, что делать надо?

Артур поманил его за собой, они прошли по коридору, спустились по крутой лестнице в подвал, проходивший под всем зданием. Часть подвала занимали инженерные коммуникации. Остальное помещение делилось на две зоны. В одной стоял бильярдный стол, на зеленом сукне были разложены шары, на стене две киевницы, кожаная мебель на высоких ножках, барная стойка и большой телевизор на стене удачно вписывались в интерьер.

Другую зону занимал небольшой склад. Дверь в него была распахнута, обычные для загородного жилья предметы были разложены по стеллажам – коробки с консервами и бутылками, упаковки с бытовой химией, туалетной бумагой и салфетками, старый системный блок, ламповый телевизор, посуда и всякая мелочевка, купленная про запас.

– Ну и что, – Паша огляделся, – сто раз тут был, подвал как подвал.

Артур улыбнулся, подошел к стеллажу, порылся в одной из коробок и достал отвертку.

– Сейчас.

– Эй, поаккуратнее, – заволновался Павел, увидев, как иномирянин ковыряется отверткой в одной из розеток, – я

конечно врач, но не факт, что успею тебя спасти. Там между прочим двести двадцать, если у вас вообще есть электричество.

– Есть, – успокоил его Артур. – У нас все есть.

Розетка поддалась, выскочила из креплений и повисла на проводе.

– Отлично. Надеюсь, твой отец ничего не перепутал.

– А ты наугад? Спускался же сюда.

– Просто осмотрелся, вдруг что изменилось. Есть одна примета, – Артур скользнул взглядом по стеллажам, – ага, вот это подойдет.

Он снял с полки старую настольную лампу, включил в розетку.

– Ну попробуй.

Паша пожал плечами, пощелкал выключателем – лампа признаков жизни не подавала.

– Лампочка перегорела?

– Вот зануда. Включи в любую другую розетку.

С вилкой, воткнутой в соседнюю розетку, лампа исправно заработала.

– Вот видишь. Розетка отключена. Убедился?

– Ну да, считай, ты меня удивил. И что дальше?

– А дальше, мой юный друг, ты возьмешься указательными и большими пальцами за вот эти два проводка и скажешь фразу, которую твой отец любил повторять, когда садился есть в кругу семьи.

Артур бесстрашно продемонстрировал, что нужно сделать.

Павел аккуратно взял пальцами один провод, потом на мгновение дотронулся до другого – хоть жилы и были в изоляции, получить удар током совершенно не хотелось. Но нет, ничего не произошло, тогда он сжал провода покрепче и, наклоняясь к розетке, словно к микрофону, произнес:

– Все полезно, что в рот полезло. Это?

– Наверное, – Артур выпятил нижнюю губу. – Я даже не знаю, что за фраза. Просто передаю то, что он сказал. А, вот оно.

На штукатурке нарисовался выпуклый контур, пошел трещинами, прямоугольник покрытия отвалился, обнажая гладкую пластину с оранжевым кругом.

– Вот теперь приложи туда свою ладонь.

Слегка ошарашенный Павел послушно прислонил ладонь к кругу, надавил на всякий случай. Пластина завибрировала, раздался скрежет, и прямоугольник образовался теперь уже на полу, размерами где-то метр на полтора. Выделенная контуром часть пола начала опускаться вниз.

– Что за хрень, – выразил свое отношение к происходящему Павел.

– Наследство твое, – усмехнулся Артур. – Тоальке, видимо, догадывался, что счета могут обнести. Вот, в доме схрон устроил, на племянника своего не просто так все записал, чтобы те, кому до этого дело есть, на Марка как на настоя-

щего владельца думали. Отец ведь не разрешал тебе никому о нем говорить?

– Ну да. Я, правда, не понимаю, как он это сделал. Марк сюда не ездил почти, у него своя квартира в Москве. Только отец, да я иногда тут живу. Дому уже лет пять, такое в секрете не удержишь. А он как-то смог.

– Сам у него спросишь. Ага, плита остановилась. Спускаемся в пещеру, Аладдин?

Павел решительно подошел к провалу, сел на край и прыгнул вниз. Послышался сдавленный стон и ругань.

– Ты поаккуратнее, наследничек. Разъелся, понимаешь. Я тебя оттуда такого не вытащу, – Артур легко прыгнул вниз, огляделся.

Помещение шесть на шесть, с низким, чуть больше двух метров, потолком. По углам светильники, дававшие рассеянный свет. По периметру комнаты все те же стеллажи. Пол, застланный ковром, как раз на нем стоял Павел на одном колене, потирая голеностоп.

– Ты как?

– Нормально. Прыгнул неудачно, но растяжения нет. А что здесь? Оружие, наркотики? Бандитское логово?

– Отчасти, мой юный друг, отчасти, – менторским тоном произнес Артур, двигаясь вдоль стеллажей и разглядывая содержимое. – Тут у нас чего только нет.

Павел встал, чуть прихрамывая подошел к родственнику, вертевшему в руках автомат.

– Ты пользоваться им умеешь?

– Ага, приходилось. А ты?

– Мы с отцом, когда он приезжал, на стрельбище ездили военное. Там и из автоматов можно было пострелять, и из пистолетов. Лет до двадцати трех регулярно ездили, а потом, как работать пошел, наездами, времени мало было.

– Вот и хорошо, – Артур положил автомат на место, взял в руки жестяную коробку, на которой было написано 7,62 ЛПСгж 400шт., повертел, положил обратно. Таких коробок с разными надписями было штук сто, не меньше. Взял карабин со складным прикладом.

– Это СВДС, – кивнул Павел, пошарил по стеллажам. – Их тут четыре штуки. Не понимаю, зачем столько. Тут вообще оружия на небольшую армию, отец что, хотел войнушку устроить?

– Не знаю, – Артур вскидывал и опускал пистолет. – Тяжеловат. Но хорошо что не кремниевый какой-нибудь.

– Грач, – Павел посчитал рукояти на специальном держателе. – Семь штук.

– Неплохо. Это ведь незаконно, такое оружие у себя держать?

– Еще как незаконно, – усмехнулся Павел. – Если найдут, нам светит совсем другое путешествие. Далеко на север. Что ты собираешься с ним делать?

– Сейчас, погоди. – Артур ощупывал стойку стеллажа. – Ага, вот.

Он на что-то нажал, и один из стеллажей отъехал в сторону, образуя неглубокую нишу с тремя полками.

На нижней полке лежало семь кожаных кейсов с металлическими уголками. Артур достал верхний, положил на пол и открыл.

– Что это? – хрипло спросил Павел.

– Я так понимаю, миллион долларов. Счета были пусты, потому что твой отец все снял.

– А почему семь?

– Пять твоих, два – его друзей.

Павел грязно выругался.

Артур меж тем закрыл кейс, убрал его на место, достал со средней полки маленькую деревянную коробочку, открыл.

На красном бархате лежали семь коричневых зерен.

– Кофе? – спросил Павел из-за плеча.

Артур поднес коробочку к лицу, втянул воздух. Нахмурился. Провел ладонью над зернами, разочаровано хмыкнул.

– Ага. Можешь заварить. Насчет вкуса гарантий дать не могу, но то что это похоже на кофе – можешь быть уверен. Средней обжарки. Хотя все равно надо будет проверить.

Убрал коробочку в карман, и достал с верхней полки сверток. Встал на колени. Положил на пол. Развернул.

– А это что еще? – Павел даже на шаг отступил

На листе мягкой замши лежал меч с узким черным клинком шириной примерно в три и длиной в шестьдесят-семьдесят сантиметров, с длинной рукоятью, обтянутой красной

кожей, практически без гарды.

Артур бережно взял меч за рукоять, сделал несколько медленных вращательных движений.

– Это, мой дорогой племянник, эр-шатх, Призрачный клинок. Не настоящий, конечно. Когда-то давно, в глубокой древности, эр-шатх использовались для ритуальных казней. Считалось, что он выпивает из жертвы всю ее суть, уничтожает душу. К тому же это один из немногих предметов, способных существовать во всех вероятностях. Изначальных экземпляров очень мало, а это всего лишь очень хорошая подделка. Дорогая. Попробовать или не попробовать, – он оценивающе поглядел на Павла.

– Ты чего это, – тот попятился, не отводя взгляда от клинка.

– А... извини. – Артур завернул меч в замшу. – Что, зассал? Про другое я, пошли отсюда.

– А вот это все? – Павел обвел рукой оружейный склад, кивнул на деньги.

– Пусть пока лежит. Хотя да, ты прав, надо кое-чего с собой взять на всякий случай. Пистолет или автомат? Или может вот это? – Он кивнул головой на стоящий на сошках пулемет с прямоугольным магазином. – Нет, не хочешь? А я возьму.

Он повертел в руках Грач, положил обратно, взял валявшийся отдельно от других небольшой пистолет в пластиковом корпусе.

– О, вот это, пожалуй, подойдет.

Выбрал две коробки патронов, достал из кармана обычный магазинный пакет и сложил все туда.

Они встали на прямоугольник лифта, Артур перед тем, как потайное отделение закрыть, еще два кейса прихватил, на недоумевающий взгляд Паши кивнул, мол, так нужно. Лифт плавно пошел вверх, и поднявшаяся плита закрыла потайной ход. Уложенные на пол плитки идеально совместились, так что даже приблизившись, нельзя было обнаружить разрыв.

– Не найдет никто? Вон, стену-то не восстановить.

– Ничего, ты попробуй еще раз ладонь приложить.

Павел попробовал. Огляделся. Ничего не произошло

– Да не здесь, – Артур мотнул головой, – в бильярдной.

Там и вправду одна из киевниц отъехала, открывая дверь сейфа с таким же оранжевым ободком. Как оказалось после той же процедуры с наложением рук, совершенно пустого.

– Ну вот, – Артур достал из одного чемодана несколько пачек, засунул в карман, сгрузил в сейф оба кейса, захлопнул дверцу. – Нехорошо пустым держать. Примета плохая. А теперь пойдём, приберем за собой.

Они поставили розетку на место, веником смели обломки штукатурки в угол.

– Что дальше?

– Не знаю, – Артур пожал плечами. – Наверное, надо лечь спать. Тут сколько спален?

– Четыре.

– Ну и отлично. Значит, тесниться не будем. Но если какие нельзя гостям занимать, ты мне скажи. Я вон тогда к Машке под бочок пойду.

Павел рассмеялся.

– Знаешь, Артур, а иди. Только постарайся раньше нее проснуться, Машка, она только с виду такая мирная. И меч свой подальше убери, а то сделает тебе обрезание.

– С мечом сейчас тебе фокус покажу, – Артур подмигнул родственнику, бросил пакет с пистолетом и патронами на диван, коробочку поставил на стол. Рядом положил меч.

Сел, вытянул вперед руку.

– Давай, возьми меч. Двумя руками. Взял, молодец. А теперь руби.

– Ты чего, охренел? – Павел опустил клинок.

– Ну можешь сначала тихонько. Ты попробуй.

Паша осторожно опустил клинок вниз. Тот, не дойдя до кожи примерно два сантиметра, замер.

– Да надави, не бойся.

Павел надавил, без толку. Клинок играл в его руках, сдвигался вбок, но вниз не шел. Плюнул, положил меч обратно на замшу.

– Видишь. Хоть наотмашь руби, для членов нашей семьи он безопасен. При производстве закладываются генетические характеристики. А вот был бы настоящий – приходилось бы иногда кровью подкармливать. Преимущество тех-

нологий над магией.

– Бред какой-то, – Павел поежился. – Шар светящийся видел, искры из ладони. Так что в магию я, в принципе, верю. Но это вообще за гранью. Не хватает только жертвоприношений каких-то.

– Это да, – почему-то согласился Артур.

– А что за зерна? Почему они отдельно лежали?

Артур открыл коробочку, еще раз понюхал содержимое.

– Понимаешь, магическая энергия накапливается только в человеке. Мы делаем хранилища бору из кристаллов, из золота, да хоть из дерева можно, но это именно батарейки, все равно человеку приходится их заряжать. Да и не нужны нам какие-то дополнительные источники, обычные батареи, те же кварковые или позитронные, с этим гораздо лучше справляются. А вот зерна ши – вещь особая. Только они могут накапливать в себе энергию бору, и отдавать человеку. Но в мирах подобно вашему это почти никогда не работает. Твой отец несколько зерен нашел, а энергии в них нет почти. Так что бесполезны они.

– А если бы была, то что?

– Да ничего, чистая теория. Но она не подтвердилась, увы. Ладно, давай спать, или ты там бегаешь перед сном?

– Нет, – Павел поднялся. – Ты прав, время позднее, завтра вставать рано. Во сколько Маша должна проснуться?

Артур склонил голову, задумался.

– Ну часов до восьми утра точно проспит. Ты насчет зав-

трашнего дня договорился?

– Да, все в силе остается. Только не пойму, зачем это тебе.

– Так не корысти ради, а только волею пославшего меня сам знаешь кого, – отшутился Артур.

Так хорошо Маша уже давно не высыпалась. Правда, первую минуту она пыталась сообразить, где вообще оказалась, потом вспомнила вчерашнее застолье, частично, до второй рюмки, судорожно себя оглядела, под одеяло заглянула.

Юбку и блузку с нее стянули, а вот нижнее белье никто, судя по всему, не тронул, девичья честь не пострадала. Другое дело, что с планами девушки это не слишком совпадало, но и тут были свои плюсы, Паша повел себя как настоящий рыцарь, не стал пользоваться беспомощностью напившейся в лоскуты женщины. Уложил заботливо, одеялом накрыл, шторы вон зашторил, чтобы свет утром не разбудил. Какой же он хороший.

Посмотрела на телефон, несколько пропущенных звонков, ни одного важного. Ну да, если что, родители спохватятся только когда из очередного путешествия вернутся, а дед – если она вдруг на работе не появится. Вот так пропала бы, и только в понедельник начали искать.

Маша быстро привела себя в порядок, благо ванна собственная у спальни была, и вообще она девушка современная, на макияжи и прически много времени не тратила, так,

слегка причесалась, губы-глаза подкрасила, одежду натянула и спустилась вниз.

В гостиной на удивление все было прибрано, девушка даже было подумала, что ее оставили одну, но, выглянув на улицу, обнаружила лендровер на прежнем месте. Значит, Паша был точно здесь, он бы на мелкую погань машину не оставил.

Девушка успокоилась, открыла дверь кухонного шкафа, подвигала баночки. Из кофе был только растворимый, открытый, с не такой уж давней датой выпуска, значит, дом заброшенным не стоит.

В холодильнике лежали упаковки нарезки, в прихожей непонятным образом появилась коробка со свежим, еще теплым хлебом, бутылкой молока, упаковкой яиц, шариком деревенского масла и плоскими блинчиками домашнего сыра. Сначала Маша подумала, что это лепреконы шалят, но нет, в коробке лежала накладная с сегодняшним числом и суммой к оплате, видимо, сервис в этом поселке и на такое распространялся.

И только налила себе кофе, отломилась от багета пахучую корочку, намазала ее маслом, как увидела в окне, что створка въездных ворот задрожала и начала сдвигаться.

5.

Светлана Петровна была женщиной высокой, с красивым

породистым лицом и аристократической осанкой. В свои пятьдесят шесть лет она выглядела на сорок-сорок пять, только увядшая кожа на шее и руки выдавали возраст, и это несмотря на отсутствие пластики и уколов ботекса. За глаза сослуживцы звали хирурга, майора медицинской службы, Ледяной ведьмой, в глаза – говорили комплименты и восторгались ее волшебными руками. Было в этой женщине что-то такое, что заставляло даже проверяющих из министерства оставлять свои барские замашки и покровительственный тон.

В двадцать восемь, аккуратно перед развалом Союза, она стала заведующей отделением хирургии в больнице, как говорили – не без мохнатой лапы, а в тридцать пять – ушла в центр медицины катастроф, где так и продолжала работать, даже выйдя на пенсию по выслуге.

И вот сейчас ее мини-купер стоял на площадке рядом с маздой и лендровером, а сама она сидела напротив Маши, отхлебывая из чашки растворимый кофе.

– Пашка спит еще?

– Не знаю, – пискнула девушка, от присутствия потенциальной свекрови ее немного потряхивало.

– Так вы не...

– Нет, что вы!

– А зря, – вздохнула Громова. – Да что ты вся скукожилась, будто я тебя сейчас съем. Пряма сама не своя, как не родная. Ну-ка выкладывай, что случилось?

– Ничего, – девушка прикрылась чашкой кофе, как щитом.

– Ох, – покачала головой Светлана Петровна, – что-то ты темнишь, дорогая. Ну ладно, пытаться тебя не буду, мой оболтус все равно девушку обидеть не способен. Или вдруг удалось?

– Нет, – снова пискнула Маша.

– А я бы обиделась, – хмыкнула Громова. – Такая красавица выросла, а он нос воротит, паразит. Эй, Павел! Хватит дрыхнуть, спускайся. А ты кто такой?

На крик появился совсем не тот, кого звали. Невысокий молодой человек, почти мальчик, в белом халате и тапочках, стоял возле входа в гостиную и улыбался. Как ангелочек прямо.

– Что тут творится? – медленно произнесла Светлана Петровна. – Маша, может ты объяснишь? Хотя нет, я и так поняла. Вот почему он звонил и хотел приехать. На девушек он не смотрит.

– Восхищен вашей проницательностью, мадам, – мальчик слегка поклонился. – Позвольте представиться, Артур.

– С тобой мы еще поговорим, Артур, – спокойно ответила Громова.

– А Павел сейчас спустится. Он принимает душ, – как ни в чем ни бывало Артур прошлепал к барной стойке, снял фужер и достал из холодильника минеральную воду. – После такого дела холодненькой водички выпить – самое оно.

Маша готова была забиться под стол при виде того, как почти всегда спокойное лицо тети Светы начало наливаться кровью. На ее памяти были несколько таких случаев, и по опыту она знала, что в этот момент лучше оказаться подальше от эпицентра скандала. Помнится, ее мать месяц заикалась после стычки с Громовой.

Артур отхлебнул пива, поморщился.

– Хана котенку, да?

– Что? – начала вставать со своего места Светлана Петровна.

– Так, вспомнилось. А вот и Павел.

В гостиную ввалился Паша – с мокрыми волосами, в майке и шортах.

– А, мам, привет, – помахал он рукой. – Как доехала?

– Хорошо, – голосом Громовой можно было замораживать лед. Или азот.

– Я думал, ты позже приедешь. Ведь на одиннадцать договаривались?

– В час у меня самолет из Домодедово.

– Снова в путь-дорогу, – Павел понимающе усмехнулся, залез в холодильник, достал упаковку с колбасой. – О, и продукты привезли. Цены тут, конечно, лом. Маш, тебе как спалось?

– Да, – только и могла сказать девушка, двигаясь вместе со стулом к выходу.

– А, ладно. Давайте позавтракаем, а потом поговорим.

– Чего говорить, – спокойно, выпрямившись, словно палку проглотила, сказала Громова. – И так все ясно. Ты, смотри, с ориентацией определился?

Паша посмотрел на мать непонимающе, потом расхохотался.

– Ты про Артура что-ли? Ну да, как раз о нем и хотел поговорить. Но сначала завтрак.

Еду поглощали в полном молчании.

Маша едва дождалась, пока остальные перестанут жевать, вскочила и засобиравалась.

– Ой, мне некогда, я пойду, ладно?

– Иди-иди, – мать Паши кивнула. – Нам тут есть что обсудить, и думаю, молодой девушке будет неприятно слушать те слова, что я скажу.

– Может и я пойду? – Артур сделал вид, что встает.

– Сидеть!

– Ша, уже никто никуда не идет, – согласился парень, как ни в чем ни бывало делая себе еще один бутерброд. – Вы зря не едите этот сыр, он великолепен. Нежный вкус, аромат... Нет? Ну ладно, мне больше достанется.

– Наглец, – отреагировала Громова.

Паша на все это смотрел с улыбкой. Даже головная боль, мучившая его вот уже почти полгода, немного отступила.

– Я провожу, – поднялся он. – Маш, все взяла?

– Да, – девушка готова была оставить все, лишь бы бежать.

– Ну и отлично.

– Маме привет передавай, – Громова постучала пальцами по столу. – Вернусь из Индии, к вам заеду.

– Да, обязательно, тетя Света. Я пойду?

И не дожидаясь ответа, девушка выскочила за дверь. Паша отчего-то погрозил кулаком Артуру и вышел следом.

Оставшиеся за столом провели следующие несколько минут в молчании. Лицо Светланы Петровны ясно говорило, что ни в какие разговоры до возвращения сына она вступать не будет. А Артур, ничуть этим не смущаясь, продолжал завтракать.

Наконец мазда выехала со двора, Павел вернулся, уселся за стол, сжав руки в кулаки.

– Ну? – грозно посмотрела на него мать.

– Мама, давай еще раз. Это Артур. Артур Громов. В некотором роде родственник папы, а не то, что ты подумала.

Светлане Громовой приходилось оперировать больных под обстрелом, когда шальной снаряд, или наоборот, пущенный слишком прицельно, мог разнести операционную вместе с больными, врачами, оборудованием и медсестрами в клочки. И самообладание ей не изменяло.

Даже сейчас она просто вздрогнула.

– Толи?

– А у меня есть другой отец? – отшутился Павел. – Да, он от папы.

– Значит, это правда, – вздохнула Громова. – Это правда?

– Правда-правда, – кивнул Артур. Протянул конверт. –

Это вам.

– Что это?

– Письмо. От мужа вашего.

– Ох, – вздохнула Светлана Петровна, приложив руку к груди.

– Мама, с тобой все в порядке? – встревожился Павел.

– А ты как думаешь, сынок? С того света письмо получить, – Громова распечатала конверт, углубилась в чтение.

Ей никто не мешал. Павел отбивал пальцами дробь по столешнице, Артур перестал есть, достал смартфон и что-то там вычитывал, улыбаясь. Светлана перелистнула одну страницу, вторую, положила листы на стол.

– Это... – она пошевелила пальцами в воздухе. – Я не понимаю.

– Папа же тебе рассказывал, – заметил Павел.

– И все равно, в голове не укладывается. Одно дело на словах, а другое вот так, – она кивнула на письмо, – приходит человек, и говорит – Здравствуйте, я от Толи.

– Согласен, – Артур кивнул, – ситуация необычная. И вот ваша сестра тоже так отреагировала.

– Так вы и у Оли были, – ахнула Громова. – Зачем?

– Да, ты же не знаешь, – Паша улыбнулся, – Марк нашелся. Он у отца сейчас.

Слова, которые Светлана выучила за время службы, об-

щаяся с военными, она вложила в не слишком короткое, но емкое по смыслу предложение.

– Можно помедленнее, я записываю, – Артур с восхищением смотрел на женщину.

... – Ответила ему Громова, заставив парня присвистнуть от восторга.

– Мама, – укоризненно протянул Павел.

– Что мама! Когда вы были у Оли?

– Позавчера.

– Ну сестрица, ну разведчица хренова. Припомню я ей, – мстительно заявила Светлана. – Значит ты сначала к тетке поехал, а потом к родной матери?

– Но ведь ты только вчера вечером прилетела, – попытался оправдаться Павел.

– И что? Погоди, ты сказал, что Марк у Толи. А как он там оказался?

– Помнишь кристалл, мама? Ну отец еще говорил, что заберет меня к себе на время, если сам уйдет.

– Помню. Ты хочешь сказать, это правда?

В ответ Артур пододвинул Громовой свой смартфон.

– Что это?

– Фотографии, – коротко ответил парень.

На некоторое время опять воцарилось молчание. Светлана листала фото, периодически возвращаясь назад, морщась недовольно при виде некоторых.

– А это что за стерва белобрысая? – ни с того ни с сего

спросила она.

– Эта? – Артур пересел поближе, наклонился, – а, это Элика, как бы сказать... Секретарша вашего мужа.

Светлана хмыкнула, листая фотографии дальше.

– А эта черненькая?

– Марика, его сестра.

– И сестра у него есть, – пробурчала женщина. – А это кто?

Артур улыбнулся.

– Это жена Марка.

– Марк женился? – хором воскликнули мать и сын.

– Ну да, так получилось.

– Надо же, свершилось, – Светлана подняла к небу глаза. –

На этом свете ему девушки не нашлось, так на другом окрутили.

– Я тоже в шоке, – кивнул головой Павел. – Ты чего раньше-то молчал?

– Каждой новости свой срок, – ответил Артур многозначительно.

Светлана отодвинула от себя телефон.

– Ладно, с этим разобрались. Предположим. Да, предположим! Что я во все это поверила. Так что там с кристаллом? Это я помню, – отмахнулась она, когда Паша начал рассказывать, как забыл сумку на берегу и Марк поехал за ней. – Ну и что?

– Каким-то образом Марк вместо Павла перенесся, – объяснил Артур.

– Перенесся. Погоди, значит ты сам оттуда? Хотя что я спрашиваю...

В ответ Артур продемонстрировал свой ставший уже коронным фокус со светящимся шаром.

Светлана покачала головой, попробовала ткнуть шар пальцем, тот беспрепятственно пропустил вторгшийся в него предмет.

– Чудеса. Стоп, это что значит, ты за Пашенькой пришел.

Пашенька третий или четвертый раз в своей жизни увидел в глазах матери слезы. Путь одинокую слезинку в уголке глаза, но все равно – для другого человека это было равнозначно рыданиям и истерике.

– Мама, – просто сказал он, взяв ее за руку. – Я останусь с тобой.

Светлана накрыла его руку своей, крепко сжала.

Некоторое время они молчали.

– Эй, – Артур как всегда бесцеремонно влез в невербальное общение матери с сыном. – Ему нужно будет уйти.

– Это почему? – Павел повернулся к родственнику.

Тот вздохнул.

– Ты давно чувствуешь головные боли?

– У тебя снова болит голова? – забеспокоилась Светлана Петровна.

– Нет, мама, все в порядке.

– Да ничего не в порядке, – Артур поморщился, жестом остановил собиравшегося что-то сказать Павла. – С детства

– головные боли, с возрастом они должны стать сильнее. Не знаю, обнаружили уже или еще нет – уплотнение в правой лобной доле.

Павел нахмурился.

– Это правда, сынок? Ну скажи.

Тот кивнул.

– Давно?

– Полгода назад.

– Это что, рак?

– Нет, – Павел пожал плечами. – Сказали, что новообразование доброкачественное.

– Но оно растет, – Артур усмехнулся не к месту. – Сейчас его размер где-то с сантиметр диаметром. Будет расти на несколько миллиметров в год. Удалять бесполезно, за ночь вырастает такой же на том же месте. Само образование неопасно, кроме головных болей, никак себя не проявляет, а вот жгутики, которые идут от него, через пять-семь лет нарушат мозговую деятельность. Причем сразу и полностью.

Светлана ахнула, схватилась за сердце, побледнела.

– Ты что делаешь, – Павел разъярился, вскочил, схватил Артура за грудки, затряс. Тот не сопротивлялся. – Ты хоть думай, что говоришь.

– Отпусти.

Паша отбросил родственника на стул, тот поправил воротник халата, откашлялся.

– Ну ты и бычара, не стыдно маленьких обижать? Ладно,

Светлана Петровна, слушайте внимательно. Ничего с вашим Павлом не сделается, если он уйдет порталом. Все проблемы в том, что его дар, а у вашего сына магический дар, не активирован. От этого все проблемы. Муж ваш, к сожалению, как псион никуда не годится, может для этого мира он великий волшебник, а у нас так, обычный, в отличие от Пашкиного деда, и тем более – от прадеда. По этой, ну и по другой причине лечить он сына не мог, хоть и пытался. Но диагностику смог поставить, и расчитал, когда надо его отсюда забирать. Активировать дар тут нельзя, – ответил он на невысказанный вопрос. – Ваш муж достал определенного вида семени, мы их называем ши, такой особый сорт кофе, очень редкий, они в принципе могут на какое-то время стабилизировать состояние, но тут, в этом мире, не работают. Я вылечить его не могу, у Павла, как и у Марка, очень высокая сопротивляемость сознания, ментальный блок не дает чужому воздействию что-то сделать. С одной стороны это хорошо, голову не задурят, ну а с другой – уровень псиона для лечения должен быть высоким.

– А там помогут?

– Да. Здесь я ничего не могу сделать, на той стороне есть маги, которым потребуется для исправления несколько секунд.

– Значит, у меня есть семь лет? – задумчиво сказал Павел.

– Нет у тебя семи лет, – жестко ответил Артур. – Если ты думаешь, что на той стороне очередь стоит из спасателей, ты

ошибаешься. Я – твой единственный шанс. Без меня не открыть портал, значит, тебе уходить первому. Так что через три-четыре месяца ты либо переходишь на Землю-ноль, лечишься, активизируешь дар и все остальное, либо остаешься здесь и через семь лет умираешь. Хотя возможно, от головной боли ты загнешься гораздо раньше.

– Тебе плохо, Паша? – жалобно, что совсем было на нее не похоже, спросила мать.

– Терпимо. Ты сама-то как это представляешь – ты здесь, я там?

– Знаешь, – Светлана через силу улыбнулась, – когда мать знает, что у ее ребенка все хорошо, пусть даже она никогда его не увидит, этого достаточно. К тому же, у нас есть четыре месяца.

– Не раскисайте, – Артур подмигнул. – Я же здесь, так почему Павлу тоже не вернуться сюда.

Мать с надеждой посмотрела на сына.

– Я вернусь, – тот кивнул. – Обязательно.

– Тогда, – Светлана выпрямилась, – жизнь продолжается. Ребята, вы занимайтесь своими делами, а меня ждут.

– Подожди, – Павел придержал мать. – Артур, можешь ее осмотреть?

Тот пожал плечами, на недоуменный взгляд Громовой улыбнулся.

– Я вроде как универсальный медицинский диагност. Просто дайте свою руку. Любую, не важно. Положите на стол

ладонью вверх. Да, так нормально.

Артур накрыл своей ладонью ладонь женщины, прикрыл глаза, затряс головой, забормотал невнятно, даже попытался слюну пустить из уголка рта.

– А без этого цирка нельзя? – спросил Павел.

– Можно, – парень прекратил паясничать, еще где-то с полминуты просидел, держа руку Светланы в своей.

– Все, ничего серьезного. Сосуды чистые, измененные клетки есть, но каких-то опасных новообразований нет. Была проблемная родинка на плече, я ее убрал. Начинается диабет по второму типу, желательно сладкое ограничить, курить поменьше. Катаракта в начальной стадии, тут даже местные витамины помогут. Ну и остальное по мелочам, пустяки, полипы в кишечнике, гастрит, вены на ногах. Давайте так, Светлана Петровна, вы как из Индии вернетесь, мы с вами встретимся и я всю мелочевку уберу, на это моих сил хватит. Так что до ста лет вполне есть шанс дожить, немного, конечно, но для местных условий результат неплохой.

– Ладно, – Павел встал. – Мама, я отвезу тебя в аэропорт. Не спорь, мне будет спокойнее. И вообще, у нас не так много времени осталось, чтобы вместе побыть.

– Ты словно хоронишь меня, – улыбнулась женщина.

– Не говори таких слов. Подожди, несколько минут, и я буду готов.

Когда Павел ушел, женщина внимательно посмотрела Артуру в глаза.

– Ты ведь действительно меня обследовал.

– Да, – коротко сказал тот.

– Ты не все сказал?

– Знаете, – Артур щелкнул пальцами, – есть вещи, о которых лучше не говорить. Но и это я могу исправить.

Светлана грустно улыбнулась.

– Поздно. Но все равно, спасибо, что не сказал. Не надо Павлу об этом знать.

– Ладно, это будет наш маленький секрет. Да, это тоже вылечу.

– О чем это вы? – вернувшийся Павел застал конец разговора.

– Пародонтоз, пока только начинается, так что и местные бы справились, – пожал Артур плечами. – Да не беспокойся, сделаю

– Он Лейбмахера спас, кстати, – вспомнил Павел.

– Ёсю? – нахмурилась Светлана. – А что с ним?

– Тромбоз, говорит.

Громова вздохнула, но ничего не сказала. Поднялась, покопалась в сумке, протянула Артуру картонный прямоугольник.

– Это моя визитка, звони. А тебя как найти?

– У меня телефон Марка, – Артур помахал аппаратом в воздухе. – Так сказать, с барского плеча перепало.

– Вот даже как. Нет, никак в голове все это не уложится, словно не со мной все это.

Лендровер, подав короткий гудок, выехал со двора, загудел мотор, закрывая ворота. Артур потянулся, зевнул, разговор с этой семейкой не то чтобы вымотал, но все равно, эта часть его работы была самой сложной – убедить объект. Ману на дороге не валяются.

Достал из кармана деревянную коробочку, положил перед собой, раскрыл.

– Интересно...

6.

Маша припарковала машину во дворе сталинки, суббота, многие поехали на шоппинг, так что свободных мест хватало. Можно было заехать в гараж, но идти пять минут оттуда до дома было, как всегда, лень.

Двор после ночного сильного ветра был завален листьями и мусором, два смуглых работника ЖКХ сидели на ограждении газона, как на жердочке, опираясь на метла и лопаты, о чем-то разговаривали, рядом еще один, с тележкой, переделанной из детской коляски, залип в телефоне. Заметив Машу, дворники поздоровались, она улыбнулась им в ответ, помахала рукой. Трое – это еще немного, бывало что и по десять человек вот так собирались, только порядка от этого больше не становилось.

Маша поднялась на восьмой этаж на скрипящем лифте,

с выжженной кнопкой последнего этажа, надписью «Светка – шлюха» зеленым маркером и окурками в углу, дом в застойные годы считался престижным, но с годами обветшал, да и контингент поменялся. Научные работники и деятели культуры оставляли после себя не слишком умное и культурное потомство, которое, в свою очередь, плодилось зачастую совсем уж маргинальными отпрысками. Родители все собирались продать эту квартиру и купить что-то попрличнее, и всегда в последний момент оказывалось, что то денег не хватает, то кризис, то еще что-то. К тому же хороший район, близко к центру.

Квартира досталась отцу Маши, Семену Семеновичу Прилуцкому, от его деда, видного ученого-физика, обойденного недоброжелателями и завистниками член-корром, но тем не менее доктора и профессора. Высокие потолки, лепнина, дубовый паркет и хрустальные люстры раньше служили мерилom достатка и высокого положения, а сейчас смотрелись анахронизмом. Тем не менее, четырехкомнатная квартира почти в сто десять квадратов позволяла семье из трех человек не слишком тесниться.

Шум голосов был слышен еще на лестничной площадке на две квартиры, Маша подергала ручку, открыла незапертую дверь.

Родители вернулись как всегда не вовремя, должны были прилететь только в среду.

– Вот ты где, – мать Маши, Майя Иосифовна, кидала вещи

из чемодана в стиралку. – Где была?

– Отстань от ребенка, – выглянул с кухни отец. – Она взрослая уже, правда, Маш? Привет.

– Привет, папа, – Маша чмокнула отца в щеку. – Вы чего так рано?

– Рано мы, – продолжала ворчать мать. – Вот у папаши своего спроси, чего мы так рано.

Семен Семеныч, коренастый живчик с животиком, залысинами и очками в тонкой золотой оправе, виновато развел руками.

– Работа, видишь ли, у него. И что такого срочного может быть в твоём занюханном институте? Премию будете распределять, по сто рублей на человека? Или может быть жребий кинете, кому на конференцию в Австрию ехать? Так я тебе сразу скажу, Гольцер поедет. Она и пять лет назад ездила, и три, и в прошлом году.

– Завелась, – грустно сказал Семен. – А ведь еще два выходных впереди.

Отца надо спасать, подумалось Маше.

– Я у Павла была, – будто невзначай оборонила она.

– Это у какого Павла? – сразу же забыв про белье, вылетела из ванной мать.

– Ну у Паши Громова, с которым мы работаем вместе.

– Вот, точно, – оживился Семен. – Надо Пашке звякнуть.

Он как, не дежурит на выходных?

– Ты посмотри, – Майя грозно уперла руки в боки, семей-

ный жест Лейбмахеров по женской линии. – Твою дочь со-
вратили, а ты собрался с этим развратником пьянствовать.
Доченька, он тебя заставлял? Да? Скажи правду. Я найду на
него управу, надо же, невинную девочку окрутил, и в кусты.
Он не хочет жениться, да? Сегодня же пойдем в полицию.
Такой же, как его мать, та еще стерва.

– Пашка – хороший человек, – авторитетно заявил Семен
Семеныч, вернувшись к разговору с бутербродом в руках. –
А зятем будет – еще лучше. Ух мы с ним погуляем, по-род-
ственному. На рыбалку будем ездить, на охоту. Когда сва-
дьба?

– Не будет свадьбы, – Маша остановила мать, собиравшую-
ся что-то сказать. – И вообще ничего не было, я в одной
спальне спала, он и его брат – в других.

И потом Маша выдала такое, отчего семейные дразги ото-
шли даже не на второй – на десятый план. И про Пашиного
сводного брата, про которого узнала тетя Света, и по коттедж
на Каширке, и про Марка, который утонул, но вроде как не
утонул, и про шлагбаум и уброщицу, и про три этажа с мрамор-
ным полом.

– Блин, – подвел итог Семен, – а я-то хотел с Пашкой к
Марку намылиться. Там воздух, караси. А теперь что. Эх!

Он махнул рукой и ушел на кухню заедать тоску-печаль.

– Говорила тебе – выходи за Марка, – с горечью прого-
ворила Майя, доставая телефон – такие новости требовали
долгих бесед с подругами, белье и муж подождут. – Сейчас

бы с коттеджем были. Вот дура.

Понедельник у всех работников государственных учреждений начинается примерно одинаково и примерно в одно и то же время. У всех, кроме врачей, пожарных, учителей, полицейских и прочих представителей социальных профессий – людей, приносящих обществу конкретную пользу. Они появляются на рабочем месте тогда, когда этого требует работа, в отличие от чиновников, которые по мере сил и ранга выдумывают себе работу или просто проводят время в своем кабинете в строго отведенные для этого часы.

В выходные у Павла Громова дежурств не было, а новенького медбрата в сетку еще не включили, хотя вот старшая медсестра отделения практически точно помнила, что собственноручно в пятницу внесла Громова-младшего в число тех, кому повезло дежурить в ночь с субботы на воскресенье. И уже хотела было устроить маленький скандал по поводу блатных, позволяющих себе игнорировать внутренний распорядок, но вот беда, фамилия Громова в приказе, утвержденном заведомлением и подписанным главврачом, не фигурировала.

Так что в восемь лендровер уже стоял на стоянке, а братья Громы, пройдя мимо охраны, прошли по переходу третьего этажа к месту работы.

– Вы как всегда с утра пораньше, Павел Анатольевич, – старшая медсестра, несмотря на пенсионный возраст, сама

приходила к семи тридцати. – Как выходные прошли?

– Спасибо, Елен Санна, вот, с братом по музеям и выставкам прошвырнулись, показываю культурные, так сказать, сокровища нашей столицы.

– Ой молодцы, – Елена Александровна одарила младшего Громова улыбкой. Раз по музеям ходит, видимо, не совсем пропащий юноша.

Прием начинался в 10-00, после утреннего обхода, но перед кабинетом уже сидело два человека, один – в голеностопном бандаже, второй с повязкой на голове.

– Вот этот – ДМСник, – шепнула Павлу медсестра.

Платники шли небольшой прибавкой к зарплате, так что Павел не возражал. Он сразу провел парня с лодыжкой и оплаченным полисом в кабинет, а второго, бюджетного, оставил Артуру.

– Как перевязку делать – помнишь?

Тот только усмехнулся, провел пациента вслед за собой в процедурную, усадил на кушетку, достал из шкафа бинты, быстро размотал старую повязку, полюбовался разбитым лбом.

– Где ж тебя так угораздило?

– В спортзале грифом от штанги, – охотно ответил парень и в красках рассказал, как все это произошло. Видно было, что факт удара металлическим предметом по черепу его несколько не тяготит. Артур, вполуха слушая нескончаемый поток подробностей, потрогал рану.

– Слушай, есть мазь итальянская, помажу – завтра будешь как новенький.

– Точно? – ушибленный в голову засомневался.

– Стопудово.

– Дорого?

– Полторашка.

– Что-то дофига, – возмутился пациент.

– Сейчас не платишь. Если завтра все пройдет, деньги принесешь.

– Да не вопрос, – парень обрадовался. Не пройдет – можно не платить, и пройдет если вдруг, никто же его силком сюда не тащит. – Давай.

Артур достал из шкафа цинковую мазь, подмигнул пациенту, шлепнул на лоб, размазал широко, наложил новую повязку.

– Что, и все? – за полторы тысячи клиент ожидал большего.

– Могу станцевать еще. Но это дороже.

Клиент осознал и обещал все сделать как уговорено – до утра повязку не трогать, а уже тогда посмотреть, и если все пройдет, завезти деньги. Медбрат даже не настаивал, чтобы это было завтра, сказано было – при случае.

Медсестра, наблюдавшая через полуоткрытую дверь за махинациями новенького, после ухода пациента прошипела:

– Ты что себе позволяешь? Только появился, и уже деньги с больных вымогаешь? Какой завтра, его только пять дней

назад с сотрясением привезли, там еще минимум две недели будет заживать, а потом еще шрам удалять, хотя откуда у этого босяка деньги. Появится Николай Степанович, пусть с тобой разбирается.

– Точно, – Артур сложил руки на груди, помотал головой. – Виноват. Пластика. Он должен был за пластику заплатить. Все, больше не повторится.

– Чего заплатить?

– Ну за пластику шрама. Разве нет? Он бы так и ходил?

– Откуда я знаю, – медсестра явно не собиралась сдаваться. – И вообще это не твое дело. Твое дело – повязки менять, гипс накладывать и по поручениям бегать. А ты тут развел коммерцию, без году неделя.

Появился Павел, спросил, что за шум, выслушал четкие, с аргументами и выводами замечания медсестры.

– И как ты это объяснишь? – повернулся он к Артуру, скромно стоящему возле стола.

– Рейки.

– Какие еще рейки, – буркнула Елена Александровна. Она ожидала от Павла большей поддержки.

– Японское искусство врачевания, – объяснил Артур. – Про наложение рук знаете? Шарлатаны такое делают, якобы помогает. А это вот настоящее, я у японского иши седьмого дана учился. Пятый круг посвящения, он одной рукой мог глаз вырвать, а другой нарастить. Хотите покажу?

– Я те покажу, – медсестра оглянулась на Павла, ища под-

держки.

Но тот неожиданно вступился за родственника.

– Парень и вправду учился. В пятницу вон Лейбмахеру плохо было, так пока Абзыгов прибежал, Артур там что-то нашаманил и Иосифу Соломоновичу получше стало. Так, я на обход, Артур, остаешься здесь с Еленой Александровной, веди себя хорошо. А вы уж, пожалуйста, его в курс дела введите. А то молодой еще, неопытный, а откуда еще понабраться знаний, как не у вас.

– Хорошо, Пашенька, – растаяла пожилая женщина. – Будь спокоен, я этому оболтусу мозги вправлю.

Оболтус только стоял и улыбался.

– Так ты значит наложением рук лечишь, – женщина уселась на стул, пододвинула к себе пачку распечаток с анализами. Про Лейбмахера она точно слышала, но вот с парнем как-то не связала это событие. – Как святой.

– Между прочим, рейки – международно признанный способ лечения. А я его еще с астрологией совмещаю. Когда Сатурн в знаке Льва, и проходит через верхний эксцентриситет Плеяд, самое эффективное время. А вот если Луна в Козероге, и еще полнолуние впридачу, то в такой день лучше даже не пытаться.

Медсестра авторитетно кивнула головой. С такими аргументами она поспорить не могла. Было видно, что парень действительно разбирается. Надо же, придумали япошки рейки какие-то.

– И что, вот так всех можешь?

– Нет, – парень вздохнул. – Максимум два-три человека в день, и то если луна восходящая. А если спадающая, иногда и одного не могу. Да еще солнечные бури эти, вы не представляете, как они мешают лечить, вот подношу руку, а между мной и пациентом словно стена стоит.

Елена Александровна согласно кивнула. Как и многие медработники, она была суеверна и охотно верила всяким теориям.

Видя, что до конца ее не убедил, Артур зашел с козырей.

– Вы вот в каком знаке родились.

– Близнецы, – без раздумий ответила медсестра.

Артур сделал вид, что задумался.

– Так, Близнецы в третьем доме, и что там получается.

Ну-ка дайте руку. Ага, сегодня как раз вспышка на Солнце была, вот и наложилось.

– Что наложилось? – встревожилась вконец запутавшаяся медсестра.

– Голова побаливает? Ничего, еще на одного пациента меня хватит. Расслабьтесь, смотрите вверх. Молитву знаете какую-нибудь? Отлично, читайте про себя, а я на пару точек понажимаю, и голова пройдет.

Медсестра закатила глаза к потолку, зашевелила губами, потом оторопело уставилась на парня.

– Прошло. Сразу раз, и все.

– Рейки, – улыбнулся Артур. – Ох и выложился я, сегодня,

боюсь, уже никому помочь не смогу. Энергия как в песок уходит, вы очень энергетически сильная женщина. Может, в роду ведьмы были?

По виду Елены Александровны было видно, что она давно это знала.

– Так я пойду? – Артур кивнул головой в сторону стационара.

– Куда? Ах да, иди, иди. – Медсестра потрясла головой, ноющая боль, которая с утра изводила ее, пропала, словно и не было.

К обеду больница знала, что в отделении травматологии и ортопедии появился экстрасенс. Японские термины для большинства персонала ничего не говорили, а вот битву экстрасенсов на канале ТНТ смотрели практически все представительницы среднего и высшего медицинского персонала. К мнению врачей-мужчин никто не прислушивался, да они, впрочем, и не особо старались спорить. Мало ли что в голову женскую взбредет, какой только бред они не выслушивали тут за время работы.

К вечеру слухи дошли до Веры Яновны Непейвода, зама Лейбмахера по медицинской части.

– Это что получается, – в ее небольшом кабинете за столом для переговоров сидели она и два врача. Один из них рисовал что-то на листе бумаги, а второй как раз эмоционально размахивал руками, – в нашей больнице какой-то шарлатан

появился. Говорят, он пациентов мимо кассы пропускает.

– Да успокойся ты, Гриша, какому-то дураку лоб мазью намазал, даже денег не взял. Завтра вся эта шутка вскроется, и все, уволим по статье.

– А Лейбмахер?

– Что Лейбмахер, – Вера Яновна усмехнулась. – Я сама с ним поговорю.

– И все же, – Гриша не унимался, – этой Елене из травмы он же голову вылечил.

– Вот об этом я как раз вообще не беспокоюсь, – второй врач перестал рисовать и начал складывать листок в самолетик. – Помнишь, я ей серьгу в ухо вставил, так она похудела на десять кило? Кстати, тогда просто вал пациентов был, мы лямов двадцать подняли, не меньше.

– Так, – Вера Яновна постучала по столу карандашом, – у нас все услуги есть в преёскуранте. И кодирование на похудание, и снятие головных болей. Что там еще?

– Коррекция поведения, – второй врач улыбнулся. – Психологическая реабилитация. Ты лучше, Гриш, скажи, поговорил с парнем?

– Поговорил, – первый врач рубанул рукой. – Тип непрошибаемый. На шизофреника не похож, эмоциональное состояние стабильное. И в то же время поведение соответствует возрасту. Может он и вправду где-нибудь в Японии учился?

– Ты этому веришь? – второй усмехнулся. – Рейки – это же

вроде гомеопатии и метода Фолля. Кстати, – он повернулся к Вере Яновне, – у меня есть друг, натуропат. Надо бы его в штат ввести.

– Введем, – решительно ответила та. – И вообще, Максим, ты у нас директор клиники или нет? Или тебе еще кабинеты нужны? Свободных площадей в больнице нет, через Росимущество сейчас трудно будет провести. И кстати чем тебе метод Фолля не нравится, люди верят. И платят.

Максим кивнул. Поток пациентов, встреченных неласковой государственной медициной, в поисках быстрого излечения от выявленных и придуманных болячек плавно перетекал в частную клинику, расположившуюся в одном из корпусов больницы. Главврач здраво рассудил, что гомеопатия и мануальная терапия принесут гораздо больше денег, если не зачислять их на бюджетный счет, а оставлять в частной фирме.

Больным ведь что нужно – чтобы врач поговорил, проникся проблемой, диагноз поставил, да чтобы лечение было быстрое, безболезненное и навсегда. За это и денег не жалко отдать. В госклиниках как – доктора сомневаются, какие-то анализы назначают неприятные, трубки заставляют глотать и кровь сдавать литрами, а после этого руками разводят, мол, может такой диагноз, а может другой. Причем не все так просто с этой кровью, в газетах вон даже печатали, или по телевизору говорили, что какие-то наночастицы вводят, после чего человек становится управляемым роботом. Так, мол,

государство зомбирует и без того послушное население.

А в частой клинике и улыбнутся, и слова умные скажут, и образование у них не только Пироговка или Сеченовка, а еще и Тибетский университет исцеления и самопознания, Аюрведическая академия живой воды, Тайский колледж потомственных целителей и т.п. Они пациента насквозь видят, сразу знают, какие анализы нужны и процедуры. И лекарства у них – не химия всякая вредная, а травы, собранные особым способом, наномолекулярные растворы и тому подобное. Да, дорого, зато без вот этих всех заумных и давно устаревших методов официальной медицины.

Все это присутствующим было хорошо известно. Вот только непонятно, что делать с юным дарованием, вторгшимся на чужое поле, а главное – со слухами, которые пошли по больнице, и могут помешать функционированию отлаженной системы. Ненадолго, и не слишком чувствительно, но все равно, любая помеха должна устраняться. Если эта помеха вообще существует.

Это и озвучила Вера Яновна.

– Эх вы, раздули из мухи слона, солидные люди, врачи, из-за какого-то мальчишки прибежали. Время уже десять вечера, по домам пора, а мы тут изображаем какихто агентов зла. Гриш, ну ты понятно, психиатр, тебе по жизни приходится таким быть психованным. Но ты-то, Максим, с чего всполошился?

– Так ведь это Громова сынок, – напомнил Максим.

– Ну и что Громова. Отца его уже два года нет, а вы все трясётесь. Ладно Пашка, он безобидный, да мать его – с ней связываться никто не хочет. А это щенок Громова со стороны, старая ведьма за него не вступится. Так что бояться нечего. Завтра пинок под зад, и все. С мужем я уже поговорила, он такое в своем отделении не потерпит.

7.

Артура в это время меньше всего занимал вопрос его увольнения. Он листал тонкую папку, лежавшую в подвале поверх кейсов с деньгами. Пока Павел смотрел, как зеленые купюры в банковских упаковках ровными рядами лежат в раскрытом чемоданчике, стопка листов формата А4 была убрана за пазуху.

Он разложил листы на письменном столе, их было всего десять, со схемами и графиками, в верхний ряд ушли первые пять, под ними три, два листа были отложены в сторону. Артур провел над пасьянсом ладонью, чтобы бумаги не сдвинулись от прикосновения, взял обычный красный маркер и нарисовал стрелку из нижнего правого угла второго листа в верхнем ряду в левый верхний угол крайнего справа листа в нижнем ряду. От середины стрелки сделал отвод на соседний лист, подчеркнул некоторые места. Задумался. Махнул ладонью, пометки исчезли.

Его редко посылали в параллельные реальности просто так, обычно помощь одного из самых опытных порталных

магов требовалась, когда предыдущий посетитель производных миров оставлял за собой незавершенные дела. За это хорошо платили, не кредитами, их у наследника одной из старших ветвей семьи было достаточно, а золотыми кругляшами с отверстием посередине. Арифметически можно посчитать, что при стоимости одного шиклу в миллион кредитов цена одного ману будет в шестьдесят раз больше, но это было не так. Если шиклу можно было обменять на незначительные услуги не самых сильных псионов, вроде обучения или лечения, и серебряные монеты часто водились у не самых знатных представителей общества, то ману расходовались на куда более серьезные вещи и ценились намного выше.

К примеру, десяток-другой ману стоил порталный сдвиг – получение псионом способности прокалывать пространство, в довесок это умение позволяло ускорить перезарядку порталного маяка. Артур получил такой подарок от отца на семнадцатилетие, когда его дар окончательно сформировался. Еще за десяток ману можно было достать чистый кристалл портала, ведущий в произвольный мир, за двадцать – в определенный. За сотню с небольшим можно было прикупить себе магические способности, по наследству они не передавались, и сами по себе были скромные. Но для внешников, сидящих на торговых потоках, или внеземных правителей, сама возможность вырваться из толпы бездарностей стоила очень дорого. Поэтому купить золотую монетку за двести-триста миллионов считалось удачей.

Риск большой. В техногенных мирах, где даже сильный псион мог задержаться на долгие годы, прежде чем маяк набирал необходимое количество энергии, обычные умения значили больше, чем маические знания. Потерявший большую часть магических способностей псион не слишком отличался от окружающих людей, и, соответственно, подвергался тем же опасностям.

Магические миры тоже не были местом для спокойных прогулок. Местные маги по силе иногда превосходили непрошенных гостей, к тому же на их стороне были местные обычаи и традиции. В таких мирах привычные технические приспособления позволяли получить преимущество. Если, конечно, их пропускала система. Ну а если нет – во всех без исключения мирах маги, псионы, колдуны и волшебники, как ни назови, составляли совсем небольшую долю населения. Так что пришелец оказывался в привилегированной части общества.

Артур сгреб листы в стопку, они ему больше не понадобятся. Вся информация уже усвоилась, и требовала только анализа.

На полу возникла карта, ковровин прочертили борозды и проплешины. Странные для любого жителя изначального мира очертания государств, привычные – континентов и островов. Восемь листов разделились на сотню кусочков, половина из них заняла места на карте, другая, повисла в воздухе. Мозг Артура продолжал анализировать то, что было на-

писано на листах, с каждой итерацией один или два кусочка бумаги находили свое место на полу. Наконец в воздухе остался только один. Он плавно опустился в то место, которое на карте соответствовало Москве.

Артур довольно улыбнулся, повинувшись движению ладони, карта с бумажным мусором исчезла. Остались два листа бумаги, нетронутые, с напечатанным текстом. Он их сложил аккуратно, убрал в ящик стола. Тот, кто будет копаться в его вещах, обязательно их найдет.

Вовремя. В дверь позвонили.

– Паша, проходи, – Артур радушно распахнул дверь. – Мой дом – твой дом. Точнее говоря, наоборот, да?

Павел усмехнулся немудреной шутке, переступил через порог.

– Ничего, что я так поздно?

– Я же тебе еще позавчера сказал – до часу ночи не сплю, так что заходи в любое время. Пойдем на кухню.

Однокомнатное жильё налагало определенные ограничения на прием гостей. Сама комната, метров двадцать площадью, располагала небольшим свободным от кровати, письменного стола и кушетки пространством. Спасала кухня, три на пять метров, с круглым столом и четырьмя венскими стульями, с подушечками на сиденьях, плоской панелью на стене и небольшим кухонным гарнитуром.

Павел опустился на один из стульев, побарабанил по столу пальцами.

– Выкладывай, друг мой, что на сердце лежит, – продекламировал Артур, включая кофемашину.

– Не поздновато для кофе? – Паша махнул головой на жужжащий агрегат.

– В самый раз. Мы туда куантро капнем, и все это с эклерами. Знаешь, вот что роднит все миры, так это кухня и выпивка. Почти везде есть и кофе, и бренди, и пиво, и пирожные с жирным и сладким кремом, и стейки.

– Нет, я пас, – Павел покачал головой, – иначе вообще не усну, а завтра на дежурство заступать, это почти сутки в больнице. Там я этого универсального напитка не меньше двух литров выпью. Хотя вот думаю, а нафига мне это нужно? Четыре месяца, и больница, и друзья-врачи, и Либермаксер, и зам его с дурацкой отчетностью – все это будет далеко и неправда.

– Если хочешь выдавить из меня слезу – считай, сумел. Кстати, насчет четырех месяцев я погорячился, может за два успеем. Вот, держи.

– Пиво на ночь?

– Тоже универсальный напиток. И скажу тебе, есть миры, где он гораздо хуже. Давай, от головной боли помогает.

– А боль, – Павел поморщился, – будет все сильнее?

– Нет, – успокоил его Артур, – самый пик приходится, когда начинает разрушаться мозг, тебе до этого еще далеко. Сейчас так, цветочки. Так чего пришел-то?

Павел помолчал, вертя в руках бутылку, так и не открыл

ее.

– Нет, – сказал Артур.

– Что нет?

– Ответ на твой вопрос. Нет возможности для тебя остаться. Знаешь, как в «Ромео и Джульетте»? «Нужно уехать и жить, или остаться и умереть».

Павел мрачно смотрел в одну точку.

– Послушай, – Артур налил себе кофе, добавил немного ликера из квадратной бутылки, – если тебе нужно мозги в порядок привести, иди вон, Машку трахни, девка заждалась совсем.

– И что потом? – не обращая внимания на подначки, спросил Павел.

– А потом ты на ней женишься, оставишь пять лямов зелены, и ее родители тебя будут до самого перехода в попу целовать. Ну хорошо, два, с матерью, думаю, ты поделишься. Но, думаю, они тебя и за сотню тысяч изнасилуют поцелуями.

– Я думал, это твои деньги.

– Зачем они мне? – удивился Артур.

– Ну не знаю, – протянул Павел задумчиво, – провел бы время без забот. На курорте там или не знаю, куда можно столько денег за год истратить.

– Я подумаю, – Артур улыбнулся, откусил эклер. – Хочешь? Ну и зря, с пивом не очень, а с кофе идет отлично. Так, давай, не хандри. Мне-то все равно, за грустного и за

веселого я получу одинаково.

– Ладно, – Павел поднялся, отчего на кухне стало тесновато. – Хотел еще спросить, ты-то зачем работать пошел?

– Чтобы с тобой рядом быть, дурилка. Не забивай себе голову, для тебя работа, для меня жизнь в незнакомом мире. Просто отдыхать и дома можно, а тут экстрим, приключения. Знаешь, я вот думаю в хирургию перевестись, как считаешь?

Павел только рукой махнул, захлопнул за собой дверь.

– Ну и ладно, – Артур вылил кофе в раковину, выбросил надкушенный эклер в помойное ведро, так и не открытую бутылку пива отправил обратно в холодильник. – Что за привычки на ночь глядя по гостям шастать.

Он взял смартфон, набрал номер с одного из листов бумаги.

– Георгий Алексеевич? Нет, вы меня не знаете. Вас мне порекомендовал один человек, который на двадцать третье февраля семь лет назад подарил вам репродукцию Ван Гога в фиолетовой раме. И я готов назвать слово, которое есть на ярлыке сзади. Да, первое во второй строке. Произношу по буквам. Сергей...

Видимо, сказанное удовлетворило собеседника на том конце сети.

– Вы готовы встретиться? Да, через сорок минут буду.

К клубу Артур подъехал на такси. Слегка помятый Киа Рио с гостем ближнего зарубежья за рулем лихо подкатил к

стоянке, занятой приземистыми люксовыми седанами и дорогими внедорожниками, высадил пассажира и с прогазовкой укатил. Хотя было бы перед кем, из всех зрителей в наличии были только охранник и веселая компания из трех человек, вылезавшая из только что припаркованного красного седана.

Артур обошел здание и поднялся по ступенькам главного входа. Небольшая очередь, максимум человек двадцать, стояла возле барьера, который сторожили два охранника – здоровый громила со сломанным носом, и его невысокий, жилистый, с кривыми жокейскими ногами товарищ. Невысокий паренек в потертых джинсах, кроссовках и свободном пиджаке в крупно-зеленую клетку с вышитым на нагрудном кармане красным драконом, особого впечатления на них не произвел. Невысокий, с цепким взглядом секьюрити сверился со списком, в то время как громила притормозил очередную порцию посетителей.

– Да, проходите, – равнодушно кивнул охранник, и повернулся к другим гостям.

Артур прошел через рамку металлоискателя в холл, где хостес в купальниках и домашних тапочках с помпонами раздавали посетителям силиконовые браслеты, светящиеся в ультрафиолете, заглянул в зал. На танцполе толпа зажигала под ритмичные, бьющие по ушам звуки. На канатах, закрепленных на металлоконструкциях, были подвешены трубчатые качели с полуголыми девушками. Те болтали босыми но-

гами и пускали мыльные пузыри прямо в людское месиво. Столики по периметру были заняты, непонятно, что ждали те, кто стоял на улице. Троица со стоянки прошла мимо Артура к лестнице на второй этаж. Парень почувствовал, как кто-то собирается дотронуться до его плеча, обернулся.

Сзади стоял мужчина в сером костюме, среднего роста, с выпирающими через рукава бицепсами. Под полой пиджака угадывались очертания пистолета. Увидев, что парень оборачивается, он убрал руку.

– Вы Артур?

– Да, – кивнул тот.

– Вас ждут.

Они поднялись по мраморной лестнице на второй этаж, сопровождающий провел карточкой по считывателю возле двери, открыл ее, попустил Артура и захлопнул за собой, отсекая узкий коридор от долбящих звуков музыки.

Еще одна дверь привела в перпендикулярный первому коридор, с двумя дверьми по бокам и одной по центру.

– Проходите, – сказал охранник, кивнув на правую дверь.

В большой комнате за столом, заваленным бумагами, сидел лысый человек в толстых очках, несвежей белой рубашке с подвернутыми рукавами, с изрезанным морщинами лицом. Волевой подбородок, крючковатый нос и полные губы плохо сочетались друг с другом и вообще с образом мелкого бухгалтера.

Человек поднял на гостя глаза, поморщился.

– Я думал, ты старше.

Артур промолчал, стоя посреди комнаты и разглядывая обстановку. Место возле окна, наглухо затонированного, занимал стол, классический, с резными изогнутыми ножками и зеленым бархатом поверх столешницы. Три светильника на потолке прямо над столом давали яркий теплый свет.

Справа от стола высокий шкаф со стеклянными дверцами, уставленный папками, на противоположной стене – огромный экран, на который транслировались камеры, установленные на первом этаже, по периметру – еще двенадцать экранов, куда выводились трансляции из коридоров, подсобных помещений, приват-комнат и кабинок на втором-третьем этажах. На одном из экранов двое парней трахали девушку в тапочках с помпонами, кроме этих тапочек на девушке ничего не было.

Пол покрывал ковер с высоким пушистым ворсом, зеленоватой расцветки. Он отлично скрадывал шаги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.